

47

НѢМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА И ВОЙНА.

тик...

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВЪ.

Изданіе второе.

ИЗДАНІЕ и ПЕЧАТЬ Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°
МОСКВА-1917.

„Война и Культура".

Серія брошюръ, издаваемая

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІЕЙ ПРИ УЧ. ОТД. О. Р. Т. З.

Серія ставитъ своей задачей дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанію книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Политическій строй Германіи.
2. Политическій строй Франціи и Англіи.
3. Красный Крестъ.
4. Россія и Турція.
5. Отмѣна капитуляцій въ Турціи.
6. Голландія.
7. Англія.
8. Англія наканунѣ войны.
9. Польша и польскій вопросъ.
10. Поляки подъ германскимъ владычествомъ.
11. Галиція.
12. Румынія.
13. Борьба за колоніи.
14. Что такое международное право?
15. Англія и Германія.
16. Имперія Франца-Іосифа.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. МОСКВА,
ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

Нѣмецкая культура и война.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда война обнаружила вдругъ столько неожиданнаго въ національномъ характерѣ нѣмцевъ, у всѣхъ стали рождаться вопросы: откуда все это? Почему исчезъ безъ остатка старый германскій рыцарскій духъ и появилось злое коварство? Почему высокая культурность оказалась маской, изъ-подъ которой глядитъ теперь на всѣхъ, оскаля зубы, чуть не первобытное варварство? Куда дѣвались Вертеръ и люди голубого цвѣтка, романтики не отъ міра сего? Откуда эта вакханалія трезвеннаго мѣщанства? Почему вспыхнувшій было передъ войной въ рабочемъ классѣ порывъ благороднаго идеализма погасъ такъ легко и волны милитаристической горячки покатились изъ конца въ конецъ по родинѣ Канта, апостола вѣчнаго мира?

Имѣются разумные отвѣты на всѣ эти вопросы, или мы тутъ имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то непонятнымъ?

Попробуемъ разобраться.

Исторія не терпитъ ничего непонятнаго. Она хочетъ все объяснять, всему ищетъ объясненія. И на всѣ вопросы, тѣ, которые поставлены выше, и тѣ, которые тутъ не поставлены, историческая наука должна попытаться дать отвѣты.

I.

Нѣмецкое общество.

Эпоха нѣмецкаго идеализма совпала съ тѣмъ періодомъ политическаго развитія Германіи, когда она еще называлась Священной Римской имперіей нѣмецкой націи и представляла собою все, что угодно, только не единое цѣльное государство. Передъ французской революціей Германія обнимала на пространствѣ, приблизительно равномъ нынѣшнимъ Австро-Венгріи и Германіи, цѣлыхъ 360 государствъ, среди которыхъ было нѣсколько купеческихъ республикъ, но гдѣ всѣ монархіи безъ исключенія, начиная отъ Австріи и кончая крошечнымъ княжествомъ Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, были монархіями строго-абсолютистскими. Территорія иного нѣмецкаго государя была такихъ размѣровъ, что въ ней нельзя было стрѣлять даже изъ тогдашнихъ пушекъ, потому что ядра перелетали черезъ границу; но онъ правилъ своимъ народомъ въ полномъ сознаніи того, что онъ—неограниченный монархъ Божьей милостью, такой, какимъ былъ блаженной памяти Людовикъ XIV французскій, долго остававшійся почти священнымъ образцомъ для всѣхъ нѣмецкихъ монарховъ—крупныхъ, мелкихъ и мельчайшихъ. У него былъ свой дворъ, было свое дворянство, было свое войско, хотя это гордое названіе въ нѣкоторыхъ княжествахъ носили два-три

десятка вооруженной челяди, гайдуковъ. Управленіе такого государя даже въ крупныхъ нѣмецкихъ странахъ, какъ Австрія и Пруссія, носило всѣ признаки вотчиннаго управленія. Словно то было не государство, а большое помѣстье. Въ мелкихъ оно было совершенно чуждо всего того, что составляетъ существо государства. Князь смотрѣлъ на свое владѣніе такъ, какъ если бы оно было его частной собственностью: все, что принадлежало его подданнымъ, онъ считалъ принадлежащимъ себѣ, какъ будто бы всѣ были его крѣпостными, и поступалъ соотвѣтственно.

Когда страной правятъ 360 субъектовъ, имѣющихъ такіе странные взгляды на государство и на права подданныхъ, ясно, что страна, какъ таковая, не есть государство. Вольтеръ, успѣвшій въ бытность въ Германіи достаточно насмотрѣться на порядки, въ ней царившіе, сказалъ, что Священная Римская имперія—не священная, не римская и не имперія.

Эти порядки могли держаться до тѣхъ поръ, пока былъ кто-нибудь достаточно сильный, чтобы ихъ оберегать. Потому что состояніе безпрерывнаго придворнаго разгула и выжиманіе соковъ изъ народа, чтобы добыть средства на эти дебоши, едва ли могли быть пріятны большинству населенія. Но дворянство, которое командовало солдатами, владѣло всюду землей и главенствовало въ ландтагахъ, чувствовало себя хорошо, а въ союзѣ съ верховной властью дворянство представляло въ то время неодолимую силу. Эта сила и побѣждала противоположныя стремленія.

Противоположныя стремленія, однако, были. Они стали намѣчаться уже въ первое пятидесятилѣтіе, истекшее послѣ Вестфальскаго мира, окончившаго

Тридцатилѣтнюю войну, а во второй половинѣ XVIII вѣка сказывались уже чрезвычайно явственно. Нарождалось новое нѣмецкое бюргерство и начинало чувствовать, что его интересы противоположны положенію, которое создалось въ Германіи подъ эгидою абсолютизма.

Бюргерству нужна была прочная, единая государственная власть, которая могла бы защищать нѣмецкую торговлю за границей Германіи. Бюргерству нужно было, чтобы были разрушены таможни внутри Германіи, затруднявшія безъ всякой нужды «внѣшнюю» торговлю. Бюргерству совсѣмъ не было нужно, чтобы въ Германіи сидѣло 360 величествъ, которыя своей, съ позволенія сказать, экономической политикой изсушали всѣ соки нѣмецкаго хозяйства и дѣлали во многихъ государствахъ невозможной плодотворную производительную дѣятельность. Въ крупныхъ государствахъ—въ Австріи, Саксоніи, особенно Пруссіи—купцы еще торговали и занимались промышленностью, но въ мелкихъ это было рѣшительно невозможно.

Чаянія нѣмецкаго бюргерства всѣ сполна удовлетворялись двумя коренными реформами: переходомъ отъ абсолютизма къ конституціонному порядку, при которомъ расходованіе народныхъ денегъ находилось бы подъ контролемъ представителей всѣхъ платящихъ налоги, и объединеніемъ Германіи въ государство, цѣльное политически. Но эти двѣ реформы, вмѣстѣ взятыя, представляли радикальнѣйшую революцію, къ которой нужно было вынудить власть имущихъ. И началась борьба. Она тянулась съ конца XVIII вѣка вплоть до 1870 года, да и то побѣда оказалась далеко не полной. Когда мы выяснимъ, въ чемъ побѣда была не полна и почему она была не полна,

намъ станутъ ясны и нѣкоторыя перемѣны, происшедшія въ нѣмецкомъ національномъ характерѣ.

Объединеніе сильно приблизилось, когда надъ Германіей пронеслась буря, поднятая французской революціей, и ея отголосокъ—завоевательная эпопея Наполеона. Первымъ результатомъ грандіозной встряски, полученной страною, было, во-первыхъ, то, что вмѣсто 360 государствъ, фигурировавшихъ въ Священной Римской имперіи въ 1792 году, послѣ окончательной политической переверстки на Вѣнскомъ конгрессѣ, въ 1815 году, осталось всего 38, т.-е. почти въ десять разъ меньше. Исчезло множество епископствъ, вольныхъ городовъ, графствъ и княжествъ, изъ которыхъ каждое пользовалось суверенитетомъ и ни за что не хотѣло отказаться отъ своихъ правъ во имя цѣлаго.

Во всякомъ случаѣ, объединеніе теперь казалось осуществимо гораздо болѣе легко, чѣмъ раньше. 38 не то, что 360.

Другимъ послѣдствіемъ революціоннаго періода было то, что Германія познакомилась съ конституціоннымъ порядкомъ, познакомилась настолько хорошо, что, когда послѣ Вѣнскаго конгресса Германію осѣнили реакціонные принципы «Священнаго союза», окончательно сломить конституціонный принципъ оказалось уже невозможнымъ. Тутъ и тамъ въ странѣ сохранились конституціонные уголки.

Въ долгіе годы реакціи, тянувшейся до середины сороковыхъ годовъ, бюргерство больше всего заботилось объ осуществленіи единства. Его передовые отряды—студенчество и радикальная интеллигенція—боролись и за конституцію, но все оно, какъ классъ, прежде всего хотѣло единства. И попытки объединенія, первые робкіе шаги начинаются сейчасъ же

вслѣдъ за новымъ устройствомъ Германіи. Во главѣ объединительныхъ стремленій стало прусское бюргерство изъ передовыхъ, промышленныхъ, рейнскихъ областей, и подъ вліяніемъ его усилій появился прусскій тарифъ 1818 г., сдѣлавшій изъ разрозненныхъ частей Пруссіи единую таможенную территорію. Въ октябрѣ 1819 года маленькое княжество Шварцбургъ, стиснутое отовсюду прусскими владѣніями, заключило съ Пруссіей таможенный договоръ. Это было начало таможеннаго союза, который съ этого момента все расширялся и къ 1-му января 1834 года обнималъ уже 18 государствъ, съ 23 милл. жителей. Австрія въ союзъ не вошла. Въ немъ главенствовала Пруссія. Это было однимъ главнымъ моментомъ, который опредѣлилъ характеръ будущаго единства. Другой опредѣлился въ 1848 году.

Революція 1848 года, охватившая всѣ государства Германіи, выросла изъ многихъ побудительныхъ причинъ. Буржуазія хотѣла единства и конституціоннаго государства, крестьянство—окончательной ликвидаціи крѣпостного права, которое еще держалось почти повсюду въ Германіи, радикальная демократическая интеллигенція—новыхъ условій для развитія рабочаго класса. Всѣ эти блага должны были притти снизу, достигнуты могучимъ усиліемъ воли нѣмецкаго народа. Если бы цѣли, поставленныя революціи, удалось осуществить,—и дальнѣйшія судьбы Германіи, и психологія нѣмецкаго народа были бы совершенно иными. На этомъ нужно остановиться нѣсколько подробнѣе.

Въ революцію 1848 года заключили союзъ бюргерство, крестьянство и пролетаріатъ противъ абсолютизма, юнкерства и бюрократіи. Прогрессивныя силы Германіи хотѣли мирно осуществить великія политиче-

скія и соціальныя задачи, настоятельно требовавшія разрѣшенія. Имъ помѣшали силы реакціонныя. Началась борьба, и реакція была побѣждена. Но побѣдить реакцію было легче, чѣмъ создать порядокъ. Передовые классы общества поссорились между собою, ихъ раздорами воспользовались реакціонныя силы, и политическія пріобрѣтенія революціи были сведены почти къ нулю. Германія единства не получила совсѣмъ, а свободу получила весьма сомнительную. Въ Австріи конституція вовсе была отмѣнена, а въ Пруссіи осталась, но въ очень урѣзанномъ видѣ.

Бюргерство, которое больше всего было виновно въ крушеніи революціи, потому что оно испугалось требовательности рабочихъ и метнулось въ сторону абсолютизма, всего больше сокрушалось о томъ, что провалилось объединеніе, на такихъ широкихъ основахъ задуманное франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ. Единство было нужно бюргерству, потому что теперь, въ серединѣ XIX вѣка, во много разъ острѣе, чѣмъ въ концѣ XVIII вѣка, ощущалось неудобство дробнаго политическаго существованія Германіи. Безъ единства нѣмецкое бюргерство не могло ни конкурировать съ заграницей, ни опираться на прочный внутренній рынокъ. Единство было для нѣмецкаго бюргерства вопросомъ существованія. Революція показала ему, что снизу единство уже не придетъ, потому что, чтобы дать ему притти снизу, нужно было сдѣлать большія уступки рабочимъ. Слѣдовательно, нужно было сдѣлать такъ, чтобы оно пришло сверху. Бюргерство отлично понимало, что и въ томъ случаѣ, если единство придетъ сверху, ему придется поступиться кое-чѣмъ. Но въ этомъ случаѣ уступки—это было ясно—должны были быть полити-

ческія, а не соціальныя, какъ при революціонномъ способѣ дѣйствій.

Вотъ почему вмѣсто союза съ пролетаріатомъ, который былъ возможенъ только въ пору сильнаго идеалистическаго напряженія и при слабо развитомъ капиталистическомъ производствѣ, бюргерство стало искать союза съ бюрократіей. Все политическое развитіе Германіи вслѣдствіе этого пошло по иному руслу.

Единство, добытое революціей, т.-е. усиліемъ воли народныхъ массъ, явилось бы подъ мирной эгидой. Оно не могло обидѣть никого, кромѣ нѣсколькихъ абсолютныхъ монарховъ и класса землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ реакціонныхъ прусскихъ юнкеровъ, т.-е. силъ, уже въ то время осужденныхъ ходомъ нѣмецкой исторіи. Враговъ Германіи такое единство не могло создать. Сосѣдей превращеніе Германіи въ единое государство, сущность котораго опредѣляется его мирнымъ демократическимъ характеромъ, не могло затронуть. Конфликтовъ въ будущемъ опасаться было нечего, ибо демократія, по самому существу своему,—сила мирная, а въ единой Германіи, созданной революціей, гегемонія могла принадлежать только демократіи. И если бы бюргерство въ 1848 году не побоялось пойти подъ начало демократіи, мы никогда не были бы свидѣтелями ни позднѣйшаго роста милитаризма, ни безумія теперешней войны. Но бюргерство въ 1848 г. готово было пойти подъ начало кому угодно, только не демократіи, помѣшанной, по его мнѣнію, на соціальныхъ экспериментахъ и потому угрожающей бюргерскому благосостоянію. И оно пошло подъ начало замаскированнаго прусскаго абсолютизма. Оно отдало ему въ руки распоряженіе всѣми силами государства, дало ему возможность

распоряжаться арміей и превратить ее въ орудіе внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ цѣлей юнкерства и этимъ заранѣе обезсилило всякое грядущее внутреннее сопротивленіе. Иначе вѣдь было бы непонятно, почему рабочій классъ, составляющій такую могущественную соціальную группу и такую многочисленную политическую партію, безсиленъ не только повернуть на иной путь государственную политику, но смягчить хотя бы наиболѣе опасныя для народа ея особенности. Таковъ одинъ опредѣляющій моментъ кризиса 1914 года.

II.

Государство Гогенцоллерновъ.

Прусское государство всегда было государствомъ династическимъ. Династическіе элементы въ немъ были сильны съ самаго начала. Династическая идея тянется черезъ судьбы Бранденбургъ-Пруссіи, черезъ вѣковую соціальную ткань исторіи, какъ тянутся уродливыя статуи «предковъ» въ «Аллеѣ побѣды» сквозь живую зелень Тиргартена въ Берлинѣ. И ни въ чемъ не сказывается такъ отчетливо этотъ основной, направляющій династическій моментъ, какъ въ постоянномъ стремленіи Гогенцоллерновъ жить въ добромъ союзѣ съ самой эгоистической, самой косной соціальной силой всѣхъ временъ—феодальнымъ классомъ. Были моменты, когда это основное стремленіе прусской правительственной власти затемнялось иными вліяніями, но оно всегда было направляющимъ.

Если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ исторію прусскаго государства, начиная съ Великаго Курфюрста

(XVII в.), съ того монарха, которымъ положено основаніе прусскому могуществу, мы постоянно будемъ встрѣчаться съ фактами, указывающими на тѣсное единеніе между властью и феодальнымъ дворянствомъ.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что единеніе власти съ дворянствомъ господствовало въ тѣ періоды, когда первенство въ мірѣ хозяйственныхъ отношеній принадлежало землѣ, когда торговля и промышленность никакой роли не играли или играли роль второстепенную. Характерно другое: когда земля стала утрачивать свое экономическое преобладаніе, союзъ между властью и земледѣльческимъ классомъ началъ становиться сердечнѣе. Конкуренція торговаго и промышленнаго капитала грозила подорвать соціальное значеніе феодальнаго класса, и чтобы удержать его вопреки естественному хозяйственному процессу, дворянству нужна была поддержка. Оно и получало ее отъ королевской власти. Устанавливалось соглашеніе, своего рода полюбовный договоръ. Власть отстаивала силами государства обреченный на упадокъ общественный классъ, а этотъ общественный классъ, чтобы отблагодарить власть, отказывался въ ея пользу отъ своихъ старыхъ «вольностей», т.-е. отъ своихъ феодальныхъ сословныхъ и политическихъ правъ. Ему важно было спасти свое соціальное господство, вотчинную власть надъ крѣпостными крестьянами, свое право распоряжаться своими «подданными» и ихъ землею такъ, какъ это подсказывалось хозяйственной выгодой.

Королевская власть охраняла своимъ щитомъ, государственнымъ щитомъ, эту патріархальную соціальную деспотію и въ отплату накапливала въ своихъ рукахъ все новыя и новыя политическія прерогативы, отобранныя у дворянства.

Даже такіе процессы, которыми прусское государство особенно гордилось, которое оно считало народными демократическими реформами, носятъ на себѣ сплошь печать половинчатости.

Въ своихъ наиболѣе демократическихъ реформахъ прусское государство все время больше думаетъ о томъ, какъ бы не очень изобидѣть стараго друга, прусское дворянство, чѣмъ о томъ, чтобы дѣйствительно устроить сколько-нибудь раціонально судьбу крестьянъ и вообще народныхъ массъ.

Нечего и говорить, конечно, что всякій разъ приступъ къ реформамъ обусловливался могущественнымъ давленіемъ на государственную власть со стороны заинтересованныхъ классовъ, тѣхъ, которые не были избалованы лаской королей, тѣхъ, которые въ дворянствѣ видѣли тормозъ. Только когда сопротивленіе требованіямъ снизу становилось невозможнымъ, королевская власть уступала, но уступала нехотя, постоянно готовая взять назадъ то, что было уже дано, постоянно подстерегая благопріятный моментъ, чтобы энергичной контръ-реформой обезвредить реформу.

Возьмемъ для примѣра исторію освобожденія крестьянъ въ Пруссіи. Въ XVIII вѣкѣ робкій Bauernschutz, боязливыя мѣры по охранѣ крестьянскихъ угодій отъ «сноса» со стороны помѣщиковъ, заинтересованныхъ въ расширеніи площади собственнаго хозяйства,—единственное, что удавалось проводить даже Фридриху II, который умѣлъ настаивать на своемъ. Да и то эти мѣры шли успѣшно только въ провинціяхъ вновь присоединенныхъ—въ Западной Пруссіи, Силезіи. Помѣщики старыхъ прусскихъ провинцій не очень считались съ королевскими указами. Когда грозный «старый Фрицъ» въ моментъ своего наибольшаго могущества, послѣ окончанія Се-

милѣтней войны, приказалъ «отмѣнить безъ разсужденій» всѣ виды крѣпостного состоянія на дворцовыхъ, помѣщичьихъ и иныхъ земляхъ, померанскіе юнкеры, вампиры, упивавшіеся крестьянской кровью, ограничились равнодушной отпиской: «въ Помераніи крѣпостного состоянія не существуетъ». И, конечно, все осталось по-старому. При преемникѣ Фридриха II, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, котораго юнкерство держало въ рукахъ черезъ поставляемыхъ имъ фавритокъ, было отмѣнено и многое изъ того, что было проведено раньше. Болѣе энергичныя крестьянскія реформы при Штейнѣ и Гарденбергѣ подсказывались жизненной необходимостью для государства. Безъ освобожденія крестьянъ Пруссіи грозила гибель. Это понимали всѣ, и это сумѣлъ понять, наученный Іеной и Тильзитомъ, и самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, хотя въ его голову не легко проникали такія истины.

И все-таки реформы какъ Штейна, такъ и особенно Гарденберга,—послѣднія были завершены уже въ спокойныя времена, послѣ побѣды надъ Наполеономъ,—принесли больше выгоды помѣщикамъ, чѣмъ свободы крестьянамъ. Понадобилась пугачевщина 1848 года, чтобы вырвать у правящихъ классовъ мѣры, окончательно давшія личную свободу мужику. Хотя и тутъ помѣщики получили такое вознагражденіе, что могли до настоящаго момента сохранить соціальное господство въ деревнѣ.

Такъ было во всемъ. Та политическая форма, которая носитъ названіе «просвѣщеннаго абсолютизма», есть по существу попытка найти компромиссъ между требованіями времени и необходимостью блюсти, согласно старымъ традиціямъ, интересы землевладѣльческаго дворянства. Существо

дѣла, быть можетъ, даже плохо сознается, но сознается нѣчто другое, болѣе близкое и понятное для королевской власти,—необходимость застраховать абсолютизмъ какой-нибудь такой формы, которая маскировала бы наиболѣе ненавистныя его черты. Поднималось третье сословіе. Его вліяніе начинало чувствоваться въ хозяйствѣ, въ финансахъ, въ обществѣ, въ литературѣ. Необходимо было предупредить его натискъ чѣмъ-нибудь, что имѣло бы видимость большихъ уступокъ, но по существу не нарушало бы ни прерогативъ короны, ни соціальныхъ правъ силы, коронѣ дружественной. Вся политика просвѣщеннаго абсолютизма въ Пруссіи, всѣ «либеральныя» реформы Фридриха II были совершенно лишены творческой силы. Для самой власти эти реформы были только орудіемъ самосохраненія. Разсматриваемыя объективно, онѣ показываютъ, что въ соціальномъ балансѣ страны безусловный перевѣсъ замлевладѣнія, какъ соціальнаго фактора, кончается, и вѣсы начинаютъ медленно склоняться на сторону торгово-промышленнаго капитала.

Но объективный языкъ соціальныхъ отношеній для королевской власти былъ безмолвенъ. Она понимала лучше всего свои собственные династическіе интересы и видѣла, что голосъ этихъ интересовъ продолжалъ властно требовать одного: такого же тѣснаго союза съ дворянствомъ, какъ и раньше. Ибо не было другого класса, на который королевская власть могла бы опереться, если бы ей пришлось разорвать союзъ съ дворянствомъ, къ которому она могла бы чувствовать такое же довѣріе.

Эксперименты просвѣщеннаго абсолютизма приходятся на середину XVIII вѣка. И въ этотъ моментъ, и потомъ королевская власть продолжала крѣпко дер-

жаться за союзъ съ дворянствомъ. Исторія XIX вѣка вплоть до самаго объединенія полна указаніями на то, что прусскіе короли не представляютъ себѣ охрану своихъ династическихъ интересовъ иначе, чѣмъ въ единеніи съ юнкерствомъ. И именно XIX вѣку было суждено довести этотъ фактъ до общественнаго сознанія. Политическія теоріи Людвига Галлера, Адама Мюллера, Фридриха Шлегеля сказали чернымъ по бѣлому то, что до этого момента говорила только логика соціально-политической эволюціи.

Если взять факты, то въ каждое десятилѣтіе мы найдемъ указаніе, что королевская власть дорожитъ своими друзьями и продолжаетъ чувствовать къ нимъ «влеченье, родъ недуга». Весь періодъ отъ Вѣнскаго конгресса до 1840 года, конецъ царствованія ограниченнаго, трусливаго, надутаго своей гогенцоллерновской спесью Фридриха-Вильгельма III, прошелъ подъ знакомъ все усиливавшейся реакціи. Дворянство было всѣмъ, буржуазія едва начинала становиться кое-чѣмъ,—она добилась таможеннаго союза. Революція 1848 года заставила королевскую власть пожертвовать слегка интересами возлюбленныхъ юнкеровъ, ибо въ противномъ случаѣ крушеніе грозило самой династіи. Но когда измѣна буржуазіи оставила демократію безъ помощи противъ противника, въ рукахъ котораго была военная сила, уступки почти всѣ были взяты назадъ, и союзъ между королевской властью и дворянствомъ возстановился.

Больше того. Король, романтикъ и поклонникъ среднихъ вѣковъ, уже не очень здоровый умственно, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, словно обрадовавшійся, что надъ нимъ не стоитъ, какъ въ тѣ страшные мартовскіе дни, власть «улицы», пустилъ дворянскую клику, наглую и разнузданную, къ самому под-

ножію трона. Глава ея, генералъ Леопольдъ фонъ-Герлахъ, былъ въ послѣдніе годы фактическаго царствованія Фридриха-Вильгельма IV больше королемъ, чѣмъ самъ король. И никогда еще дворянство не обдѣлывало свои дѣла такъ цинично. Казалось даже, что династическая идея, доминировавшая всегда, отступила назадъ передъ вакханаліей дворянскаго всемогущества.

Но равновѣсіе быстро было возстановлено, когда король сошелъ съ ума окончательно и регентство перешло въ руки его брата Вильгельма. Камарилью выгнали вонъ, и династическіе интересы снова заняли привычное первое мѣсто. И уже никогда съ тѣхъ поръ королевская власть не испытывала моментовъ затемнѣнія. Объ этомъ стала заботиться бюрократія. Началъ Мантейфель, а Бисмаркъ сдѣлалъ такъ, что другое взаимное отношеніе сдѣлалось невозможнымъ.

Послѣ объединенія было нѣсколько лѣтъ, когда королевской власти,—теперь она сдѣлалась имперской властью,—все въ интересахъ укрѣпленія династическаго начала пришлось подумать о томъ, какъ ублаготворить крѣпко стоявшую уже на собственныхъ ногахъ буржуазію. Читатель помнитъ, что испугавшаяся въ 1848 г. призрака соціальной революціи нѣмецкая, и въ частности прусская, буржуазія метнулась въ объятія прусскаго абсолютизма, который, чтобы принять ее достодолжнымъ образомъ, надѣлъ маску либерализма. До 1878 года власть дѣлала все, чтобы приручить буржуазію. Она уже понимала, что нельзя при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ править, опираясь только на друга-юнкера. И многое она успѣла сдѣлать. Юнкерство, къ которому какъ будто не было прежняго ласковаго и предупреди-

тельнаго отношенія, дѣлало недовольный видъ и требовало, чтобы ему были возвращены всѣ признаки вниманія, начиная съ высокихъ пошлинъ на хлѣбъ.

Но правительству нужно было нѣчто большее: достигнуть того, чтобы династическіе интересы въ новомъ государствѣ охранялись уже не только юнкерствомъ, но и буржуазіей, т.-е. коалиціей представителей земельнаго и торгово-промышленнаго капитала. И, начиная съ царствованія Вильгельма II, эта двойная политика проводится послѣдовательно. Въ угоду буржуазіи захватываются колоніи, открываются рынки на Ближнемъ Востокѣ, заводится торговый и военный флотъ, множатся правительственные заказы, организуется отпоръ рабочимъ. Въ угоду юнкерству заключаются разные договоры, закрывающіе доступъ въ Германію продуктамъ заграничнаго сельскаго хозяйства. Полнаго равновѣсія въ этой двойной политической бухгалтеріи не получается. Старый другъ одаряется щедрѣе, чѣмъ новый. Въ 1902 году канцлеръ Бюловъ, тотъ самый, который недавно въ качествѣ посла въ Римѣ спасалъ отечество, провелъ черезъ рейхстагъ такой тарифъ, который обложилъ высокими пошлинами все ввозимое въ Германію зерно. А такъ какъ цѣны на хлѣбъ въ Германіи выше цѣнъ на хлѣбъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ ввозныхъ пошлинъ на зерно, въ среднемъ на высоту таможенной ставки, то, умноживъ цифру урожая за 1913 годъ на цифру этихъ пошлинъ и вычтя почти около 30%, потребляющихся въ собственныхъ хозяйствахъ производителей, мы получимъ круглую цифру въ милліардъ марокъ. Это то, что Германія ни за что, ни про что ежегодно даритъ юнкерамъ. Правительство страхуетъ династическое начало у юнкеровъ, а по полису платитъ потребитель-бѣднякъ.

Буржуазія тоже получаетъ немало, хотя то, что она беретъ съ населенія, не носитъ характера такого явнаго, неприкрытаго грабежа. Но и буржуазія, какъ и аграріи, увѣрена въ томъ, что власть всегда будетъ дѣлать все, что окажется нужнымъ въ ея интересахъ, и съ своей стороны предана этой власти на жизнь и на смерть.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Германіи интересы династіи находятъ могущественную поддержку въ двухъ наиболѣе сильныхъ соціальныхъ классахъ. И, наоборотъ, династія готова всячески, всѣми силами государства, охранять интересы обоихъ этихъ классовъ. Создается солидарность интересовъ. Создается сознаніе, что если падетъ династія, то силы, враждебныя юнкерству и буржуазіи, возьмутъ верхъ. И, наоборотъ, если обѣднѣетъ, подкошенная иностранной конкуренціей, буржуазія или пострадаетъ вслѣдствіе либеральнаго тарифа классъ аграріевъ, у власти не окажется поддержки. Именно оттого, что въ этомъ союзѣ звенитъ тройной, трижды могучій интересъ, теперь, когда поставлено на карту все, когда рѣшеніе должно созрѣть на кровавыхъ поляхъ Бельгіи и Польши, вся правящая Германія ожесточена до послѣдней степени.

Въ опасности оказалось государство Гогенцоллерновъ съ его особенностями, такъ хорошо приспособленными къ тому, чтобы и династія, и юнкерство, и буржуазія могли безъ страха смотрѣть въ глаза будущему. Каковы же особенности? Ихъ много, и здѣсь не мѣсто перечислять ихъ подробно. Можно ограничиться двумя наиболѣе типичными.

Германія, превратившаяся въ 1870 году въ Великую Пруссію, сохранила и въ имперской конституціи стиль военнаго государства. Что это значитъ? Это

значитъ, что полученная имъ организацiя преслѣдуетъ не столько цѣли мирныя, сколько военныя. Военная стихiя занимаетъ въ ней огромное мѣсто. Военное дѣло культивируется съ особенной любовью, и не даромъ самое непримиримое противодѣйствiе пасифизму гнѣздится въ Германiи. Нѣмецкiй милитаризмъ нельзя искоренить легко, потому что государство вѣритъ въ войну и поклоняется силѣ. Все тамъ вытекаетъ изъ этой особенности. Власть сильна, общественное мнѣнiе слабо. Въ случаѣ конфликта между властью и парламентомъ парламентъ безпомощенъ, ибо вся фактическая сила, армiя и флотъ, подчиняется исключительно монарху. Парламентъ не можетъ отдать приказа даже собственному почетному караулу. Отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ не существуетъ. Министры съ канцлеромъ во главѣ подчиняются только императору. Единственное дѣйствительное ограниченiе императорской власти—организованность общества и сохраняющiйся спасительный страхъ передъ нимъ. Но въ критическiе моменты самая организованность общества отдается на службу центральной власти. Это дѣлаетъ чувство дисциплины, казарменный духъ. Военный принципъ не терпитъ ни малѣйшаго ущерба. Милитаризмъ продолжаетъ процвѣтать къ вящшей славѣ династiи, юнкерства и буржуазiи. И нигдѣ милитаризмъ такъ тѣсно не связанъ съ самымъ духомъ государственности, какъ въ Германiи.

Разумѣется,—и здѣсь вторая главная особенность государства Гогенцоллерновъ,—оно ни въ какой мѣрѣ не существуетъ для общества. Наоборотъ, оно требуетъ, чтобы общество такъ же, какъ и отдѣльная личность, существовало для государства. Это—полная противоположность духу англiйской политической

жизни, гдѣ государство гордится тѣмъ, что оно существуетъ для личности. Государство Гогенцоллерновъ требуетъ самоограниченія и самопожертвованія со стороны личности во имя высшихъ культурныхъ задачъ, для осуществленія національныхъ идеаловъ Германіи. Никакихъ оговорокъ при этомъ не признается. Демократія, конечно, понимаетъ, что тутъ важны не столько національные идеалы и не столько высокія культурныя задачи, сколько интересы династіи, юнкеровъ и бюргерства. Но, повторяемъ, въ критическіе моменты она не разсуждаетъ, а подчиняется. И государство, находящееся на службѣ своекорыстныхъ династическихъ и классовыхъ интересовъ, безъ труда ведетъ страну за собою, куда ему угодно.

Тріединый союзъ династіи, юнкерства и буржуазіи, обезпечивающій необходимое въ войнѣ сосредоточеніе власти, считался въ частности достаточной гарантіей быстраго торжества при любомъ международномъ осложненіи. Съ такимъ расчетомъ работались планы генеральнаго штаба, съ такимъ расчетомъ шли всѣ приготовленія. Но дѣйствительность обманула ожиданія. Коалиція противниковъ оказалась грознѣе, чѣмъ думали въ Германіи. Расчетъ на быстрое торжество рухнулъ, и ликъ борьбы сталъ инымъ. Теперь дѣло идетъ уже не о міровомъ господствѣ Германіи, а о чемъ-то совсѣмъ другомъ. Видится въ отблескѣ пожаровъ и возможность крушенія династіи, и возможность краха буржуазіи, и возможность разоренія юнкерства.

Приходится спасать это тройное сокровище правящихъ классовъ всѣми способами. Оттого не дается пощады никому. Оттого разрушаются мирныя жилища, оттого женщины и дѣти становятся жертвою пьяныхъ ордъ.

Но угрожаемый войной интересъ правящихъ классовъ объясняетъ только нѣкоторыя явленія настоящей войны. Для другихъ мы должны искать объясненій въ фактахъ иного порядка.

III.

Политическая идеологія.

Въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX Германія больше всего терпѣла отъ своей дробности и разрозненности. Съ конца XVIII вѣка и до 1870 года идеаломъ руководящихъ круговъ нѣмецкаго общества было объединеніе. Но добиться объединенія нѣмцамъ было трудно. Могущественные соціальные и политическіе мотивы, создавшіе тягу къ объединенію въ обществѣ, встрѣчали противодѣйствіе со стороны не менѣе могущественныхъ династическихъ интересовъ. И прежде всего мѣшала объединенію Австрія. Объединиться Германія могла только подъ скипетромъ протестантской, не католической державы. Объединеніе должно было сопровождаться дарованіемъ народу политической свободы. Австрія была страной католической въ худшемъ смыслѣ слова, ибо по конкордату 1855 года она была отдана подъ благочестивый бархатный каблукъ іезуитовъ. Австрія была страной, непримиримо враждебной свободѣ, ибо она всего нѣсколько лѣтъ назадъ справила надъ побѣжденной революціей кровавую оргію мщенія. То и другое отвращало отъ Австріи умы нѣмецкихъ гражданъ и направляло ихъ въ сторону Пруссіи. Объединеніе совершилось. Но сколько препятствій пришлось одолѣть для этого, сколько опасностей устранить съ

дороги; какъ трудно далось оно и прусскому правительству, и бюргерскому обществу, которое въ этомъ шло съ прусскимъ правительствомъ объ руку!

Этотъ долгій, тяжелый, полный напряженія, переполненный страданіями и муками процессъ не только способствовалъ развитію самосознанія въ отдѣльныхъ классахъ нѣмецкаго общества, но произвелъ и огромнѣйшій переворотъ въ нѣмецкой психикѣ. Когда передъ человѣкомъ стоитъ цѣль, достиженіе которой для него вопросъ жизни, когда онъ уже видитъ эту цѣль близко впереди, тянется къ ней изо всѣхъ силъ, взволнованно и страстно, а препятствія громоздятся и на него отовсюду сыплются удары,— характеръ такого человѣка портится: въ немъ появляются недовѣрчивость и жестокость. Правда, при этомъ получается и крѣпкій закалъ. Но отъ былыхъ нѣжныхъ настроеній, плода безмятежнаго существованія, отъ романтики и погони за голубымъ цвѣткомъ, идеаловъ спокойныхъ временъ, не остается ничего. Борьба за существованіе, сдѣлавшаяся неизмѣнной спутницей жизни нѣмецкаго общества, пересоздала, какъ увидимъ ниже, его душу. Подтвержденіями этого полна исторія политической идеологіи Германіи.

Въ одной изъ своихъ академическихъ рѣчей въ 1884 году Теодоръ Моммзенъ доказывалъ, что объединеніе Германіи явилось результатомъ вражескаго натиска. Доказывая это положеніе, которое отнюдь не можетъ считаться непогрѣшимо правильнымъ, великій историкъ говорилъ: «Первоначальная тѣсная и эгоистическая общественная ячейка и первобытный партикуляризмъ нигдѣ не были побѣждены одной любовью, свободно творящей свою созидательную работу, нигдѣ они не были способны этимъ путемъ подняться и стать элементомъ великаго общаго роста.

Въ рудѣ таится и золото и желѣзо, но нужна сила огня, чтобы какъ золото, такъ и желѣзо изъ нея добыть. Подобно тому, какъ тяготы (Not) и напоръ жизни выковываютъ изъ человѣка мужа, подобно тому, какъ индивидуумъ, не испытавшій на себѣ и въ себѣ опасностей и мукъ существованія, никогда не сдѣлается господиномъ жизни и никогда не добудетъ себѣ полнаго счастья дѣйственнаго бытія, такъ и выработка народнаго начала дается націямъ лишь послѣ трудной борьбы и послѣ побѣды надъ опасностями».

Эта суровая философія, которая если не въ этихъ словахъ, то въ очень похожихъ была формулирована и гораздо раньше 1884 года, вытекала цѣликомъ изъ того политическаго положенія, въ которомъ жило нѣмецкое общество до объединенія. И очень знаменательно, что бюргерская политическая идеологія заговорила этимъ языкомъ лишь послѣ 1848 года, который показалъ было бюргерству близкую, но оказавшуюся обманчивой зарю объединенія.

Родоначальники однороднаго политическаго міровоззрѣнія знали этотъ языкъ гораздо раньше. То были дѣятели прусскаго возрожденія, люди, очень другъ на друга непохожіе, но объединенные однимъ стремленіемъ—видѣть Германію великой и счастливой, безъ Австріи: Штейнъ, Шарнгорстъ, Гнейзенау, Гарденбергъ, Савиньи, Нибуръ. Ранке, который былъ юношей въ годы возрожденія Пруссіи и сдѣлался учителемъ великихъ историковъ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ, подготовлялъ почву для той идеологіи, которая расцвѣла въ эти годы, между революціей и объединеніемъ.

Съ самаго конца XVIII вѣка въ Германіи знали одного врага, который постоянно грозилъ странѣ и на-

роду. Это—Францiя. Штейнъ и Нибуръ, Шарнгорстъ и Савиньи одинаково стояли на этой точкѣ зрѣнiя. То была точка зрѣнiя политиковъ, отголосокъ тяжелыхъ дней наполеоновскаго ига. Ранке очень скоро оставилъ французовъ въ покоѣ и принялся подводить фундаментъ подъ идеи политическаго мессiанизма Пруссiи въ Германiи. Это онъ указалъ, что Пруссiя есть военное государство (Militärstaat) и восхвалялъ эту ея особенность; въ ней онъ видѣлъ залогъ успѣха ея общенѣмецкихъ задачъ. Его ученики все додѣлали. Гизебрехтъ прославлялъ эпоху расцвѣта Священной Римской имперiи, время Оттоновъ и Гогенштауфеновъ, когда нѣмецкое имя гремѣло на весь мiръ и нѣмецкая мощь, мощь объединенной нѣмецкой стихiи, рѣдко встрѣчала противодѣйствiе. Дройзенъ пѣлъ осанну монархiи Александра Македонскаго, какъ раньше Нибуръ—державѣ Лацiума, все съ одной и той же цѣлью, чтобы возвеличить силу, способную служить цементомъ нацiональнаго объединенiя и нацiональнаго распространенiя. Дункеръ прославлялъ Бисмарка въ лицѣ Ѳемистокла и осуждалъ Перикла за мирный характеръ его политики. А когда Дройзенъ писалъ не о древности, а объ исторiи Пруссiи, онъ безъ всякихъ оговорокъ утверждаетъ, что возвышенiе Пруссiи—залогъ будущаго величiя всей нѣмецкой нацiи. Гервинусъ доказывалъ необходимость единства фактами исторiи и исторiи литературы. Гейссеръ пропагандировалъ великопрусскiя идеи въ «зараженномъ» галломанiей нѣмецкомъ югѣ. Феликсъ Данъ, историкъ героическаго перiода германизма, эпохи варваровъ, съ ружьемъ въ рукахъ сражался за Пруссiю въ 1870 году.

Но насъ интересуетъ не столько вопросъ, какъ защищали историки и публицисты права Пруссiи въ

нѣмецкомъ политическомъ конфликтѣ, сколько то, какія средства рекомендовали эти благородные, блиставшіе умомъ, знаніями и талантами люди для того, чтобы дѣло Пруссіи, или, точнѣе, дѣло нѣмецкаго объединенія подъ главенствомъ Пруссіи, одержало побѣду.

Политическая философія идеологовъ нѣмецкаго бюргерства въ 50-хъ годахъ въ полномъ смыслѣ слова—философія борьбы и побѣды. Трезвый, суровый реализмъ, интересы дѣйствительности—вотъ что ставится въ основу построеній. Романтизму объявлена война не на жизнь, а на смерть. Въ 1848 г. Густавъ Фрейтагъ именно съ этой цѣлью принялъ на себя редактированіе «Grenzboten» и повелъ въ этомъ изданіи линію реальной политики. Уже у него ставится вопросъ о средствахъ, которыми Пруссія можетъ добиться объединенія. Это не парламентскіе дебаты, подобные тѣмъ, которые шли еще въ это время во франкфуртской церкви св. Павла. Это—просто хорошая шпага. Фрейтагъ пишетъ, не тая ничего: «Если бы для осуществленія единства мы должны были бы пойти противъ Германіи,—чего упаси Боже,—Пруссія пойдетъ. И, быть можетъ, это именно и отличаетъ насъ, пруссаковъ, отъ прочихъ нѣмцевъ, ибо мы готовы пролить послѣднюю каплю нашей крови изъ-за того, чего мы хотимъ».

Такъ зарождается культъ силы. Сила нужна для побѣды, и потому да здравствуетъ сила! Въ «Римской исторіи» Моммзена мы найдемъ тысячу примѣровъ того, какъ геніальный историкъ, все время имѣя передъ глазами отношенія нѣмецкой дѣйствительности, расцѣниваетъ событія и людей римской исторіи. Всюду, гдѣ Моммзену приходится изображать борьбу, онъ заранѣе на сторонѣ побѣдителя. Въ этихъ случаяхъ онъ немедленно вступаетъ въ тѣсный союзъ

съ сильной стороной, весь трепещетъ отъ боевой страсти, весь опьяненъ предвкушаемой заранѣе побѣдой. Побѣжденнымъ нечего ждать отъ него ни сочувствія, ни пощады. Павшаго, безпомощнаго онъ безжалостно уничтожаетъ и осыпаетъ сарказмами. Ему все равно, если болѣе слабая сторона проявляетъ самое высокое геройство, если она, зная свою участь, изъ послѣднихъ силъ борется за самыя дорогія для человѣчества идеи, за идеи, дорогія самому Моммзену,—за свободу, за родину, за честь. Онъ холодно обзываетъ безумцемъ и глупцомъ Филопемена, одного изъ благороднѣйшихъ людей Греціи, и не находитъ ни одного слова состраданія, разсказывая о смерти младшаго Катона. Зато сильнымъ и счастливымъ онъ прощаетъ многое. Снисходительнымъ тономъ, скрасивъ иное, онъ повѣствуетъ о сомнительныхъ похожденіяхъ Цезаря, оправдываетъ травлю побѣжденнаго Аннибала и готовъ выступить адвокатомъ Суллы, утверждать, что проскрипціи были необходимы.

Когда разсужденія переходили отъ исторіи Рима на времена болѣе близкія, историкъ съ еще большей легкостью становился публицистомъ. Самый яркій примѣръ такого историка-публициста — Генрихъ Трейчке. Трейчке очень любитъ грозить прусскимъ мечомъ всѣмъ государствамъ, входившимъ въ составъ имперіи, всѣмъ врагамъ Германіи, побѣжденнымъ и ожидающимъ пораженія, и всему человѣчеству вообще. А когда приходитъ пора теоретизировать, онъ первымъ долгомъ устанавливаетъ тотъ тезисъ, что сила, и не что иное, создаетъ государство. «Радикальныя теоріи видятъ источникъ государства въ свободной волѣ народа-суверена. Исторія, наборотъ, учитъ, что государства чаще всего возникаютъ вопреки волѣ большин-

ства народа, путемъ завоеванія и подчиненія». Эта сентенція изъ «Исторіи Германіи XIX вѣка» легла позднѣе въ основу пресловутыхъ страницъ «Политики», гдѣ прославляются война, право войны и право сильнаго. По его мнѣнію, государство обязано развивать свою мощь. Въ этомъ его нравственный долгъ. Ибо мощь есть принципъ государства, подобно тому какъ вѣра есть принципъ церкви, а любовь—принципъ семьи. А война одна способствуетъ росту могущества. Какъ истый идеологъ прусскаго военнаго государства, Трейчке находитъ, что въ Германіи не рейхстагъ, а армія создаетъ настоящую связку національнаго единства. «Война,—говоритъ этотъ пророкъ реакціоннаго пруссачества, — единственное средство, исцѣляющее народы, ослабѣвшіе отъ долгаго мира. Индивидуумъ забываетъ про свое маленькое ego и чувствуетъ себя недѣлимой частью громаднаго цѣлаго. Онъ сразу постигаетъ во время войны, что жизнь его ничтожна сравнительно съ благомъ всего государства. И величіе войны заключается именно въ этомъ сліяніи индивидуума съ государствомъ. Никогда самопожертвованіе не проявляется въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ, какъ во время войны, отдѣляющей цѣнное зерно отъ плевелъ. Политическій идеализмъ стоитъ за войну, тогда какъ матеріализмъ осуждаетъ ее. Какое извращеніе нравственнаго чувства обнаруживаютъ тѣ, кто хочетъ вытравить въ человѣчествѣ героизмъ! Вдохновляютъ и восхищаютъ молодежь національные герои, и изъ писателей увлекаютъ юношей только тѣ, слова которыхъ звучатъ, какъ сигнальная боевая труба». Генералъ Бернгарди, цитаты изъ недавней книги котораго приводились въ послѣднее время такъ часто,—не болѣе, какъ ученикъ Трейчке. У него лишь нѣтъ его таланта. Онъ

по-военному прямолинеенъ и потому нерѣдко комиченъ въ своемъ ультра-патріотическомъ каннибализмѣ.

Не только историки, т.-е. люди, постоянно вращающіеся въ мірѣ человѣческихъ отношеній прошлаго, но и философы, современники борьбы Германіи за единство, были захвачены общей идеологіей командующихъ классовъ, прославляющей силу и высшее проявленіе силы, войну. Ницше, самый своеобразный изъ нихъ, писалъ: «Вы мытари, что было сказано въ древнія времена: блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. А я говорю вамъ: блаженны храбрые, ибо они сдѣлаютъ землю своимъ престоломъ. Вы слышали также, какъ говорилось: блаженны нищіе духомъ. А я говорю вамъ: блаженны великіе духомъ и свободные умомъ, ибо они войдутъ въ Валгаллу. Вы слышали еще: блаженны творящіе миръ. А я говорю вамъ: блаженны творящіе войну, ибо они будутъ названы дѣтьми если не Іеговы, то Одина, болѣе великаго, чѣмъ Іегова». И въ другомъ мѣстѣ: «Только мечтатели и люди прекраснодушные могутъ говорить, что человѣчество создастъ все лучшее лишь тогда, когда разучится воевать. У насъ теперь нѣтъ другого средства, которое можетъ вдохнуть въ народы, погрязшіе въ вялой размягченности, мужественную энергію, свойственную жизни въ лагерѣ, глубокую, но безличную ненависть, хладнокровную жажду истребленія, совершаемаго съ чистой совѣстью, гордое презрѣніе къ собственной жизни и къ жизни близкихъ такъ хорошо, какъ это дѣлаетъ война».

Предчувствіе рѣшающей роли силы въ созданіи единства было такъ неотразимо, что даже идеологи демократіи не остались чужды его гипнозу. Отецъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, Фердинандъ Лассаль,

выпустилъ въ 1858 году свою драму «Францъ фонъ-Зиккингенъ». Она полна политическими мотивами, оцѣнкой революціи 1848 года, призывами къ объединенію и т. д. Въ ней мы встрѣчаемъ такія тирады, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ:

Не думайте такъ дурно о мечѣ.
Мечъ, обнаженный именемъ свободы,
Есть слово воплощенное, тотъ Богъ,
Который въ міръ спасти людей явился,
Котораго апостолами—вы.
Мечомъ распространялось христіанство,
Мечомъ Германію крестилъ тотъ Карлъ,
Котораго всѣ признаютъ великимъ.
Мечомъ язычество сокрушено.
Мечомъ освобожденъ былъ гробъ Господень.
Мечомъ изъ Рима изгнанъ былъ Тарквиній,
Мечомъ отъ Ксеркса Грецiя спаслась,
Гдѣ родились науки и искусства.
Мечомъ Давидъ и Гедеонъ сражались.
Вездѣ, всегда свершалося мечомъ
Все лучше, чѣмъ въ правѣ міръ гордиться,
И все великое, чего мы ждемъ,
Лишь только съ помощью меча свершится [1]).

Лассалю, какъ вождю пролетаріата, объединеніе Германіи было такъ же важно, хотя и по другимъ причинамъ, чѣмъ лидерамъ разныхъ группъ буржуазіи, и онъ, правда, съ колебаніями и оговорками, взывалъ къ прусскому мечу. Лассаль не думалъ, что сила всегда доминируетъ надо всѣмъ и всему служитъ источникомъ, но въ критическіе моменты исторіи, какъ человѣкъ вполнѣ реалистическаго образа мыслей, думалъ о мечѣ.

Такъ, вопросъ о средствахъ побѣды ставился въ концѣ-концовъ ясно. Голая сила, и ничего больше.

---

[1]) Перев. Криль.

Не принципъ, не идеалъ, а сила. Притомъ сила, исходящая сверху, далеко не во всемъ согласованная съ желаніями общества; наоборотъ, эти желанія регулирующія. А когда идеологи единства начинали раскрывать скобки, разъяснять, какъ нужно понимать примѣненіе силы, и выяснять отношеніе силы къ морали и праву, получались результаты поистинѣ замѣчательные.

Въ томъ же 1858 году появилась небольшая книга историка Карла Больмана, книга въ настоящее время забытая, такъ же, какъ и ея авторъ. Называется она «Защита макіавеллизма». Авторъ доказываетъ, что политическая мораль кореннымъ образомъ отлична отъ морали частной. Одна не имѣетъ ничего общаго съ другой. Люди злы, и когда родина страдаетъ, то желать спасти ее лишь благородными и лойяльными средствами—чистое безуміе. Нужны крѣпкая воля и ясный умъ. Сентиментализмъ долженъ остаться въ сторонѣ. Великая заслуга Макіавелли въ томъ, что онъ выяснилъ эти истины. Германія никогда не будетъ спасена, если въ Пруссіи не окажется монарха въ духѣ Макіавелли. Пусть этотъ монархъ въ дѣлахъ внутреннихъ слѣдуетъ велѣніямъ справедливости и морали. Но лицомъ къ лицу передъ врагомъ онъ долженъ, слѣдуя завѣтамъ Макіавелли, забыть о томъ, что существуютъ мягкость и жестокость, вѣрность слову и его нарушеніе, честность и позоръ. Онъ долженъ помнить лишь о единствѣ, величіи и независимости родины.

Дальше итти было некуда, и, въ сущности, то, что на нашихъ глазахъ говорятъ и дѣлаютъ нѣмцы, не является чѣмъ-то новымъ послѣ того, что мы читали у этого нѣмецкаго поклонника Макіавелли. И развѣ не сошлись въ этомъ вопросѣ бездарный ремеслен-

никъ своей науки и великій мыслитель? Потому что слова Ницше о «безличной ненависти» и «хладнокровной жаждѣ истребленія»—лишь иныя выраженія рецептовъ Больмана: быть по ту сторону «мягкости и жестокости». А всѣ эти и подобные завѣты словно начертаны кровью на знаменахъ «побѣдителей», развѣвающихся надъ Лувеномъ, Лиллемъ, Калишемъ, погружающейся въ море «Лузитаніей».

Само собою понятно, что если вся эта философія, прославляющая силу, имѣла источникомъ тягу различныхъ слоевъ нѣмецкаго общества къ объединенію; если считалось непреложной истиной, что сила нужна для одолѣнія враговъ объединенія, то отношеніе къ самимъ врагамъ должно было быть очень опредѣленнымъ. Оно такимъ и было. Враговъ объединенія было немного: сначала австрійцы, потомъ французы. Позднѣе прибавились и другіе, не враги объединенія, какъ процесса, а враги уже объединенной Германіи. Во главѣ ихъ, какъ нѣмцамъ всегда казалось, шла Англія.

Ненависть къ Австріи можетъ быть прослѣжена уже въ заявленіяхъ Штейна. Съ тѣхъ поръ и до 1878 года (годъ заключенія союза) она не остывала. Подъ знакомъ борьбы съ австрійскимъ вліяніемъ расцвѣла дѣятельность еще одного крупнаго нѣмецкаго историка, Генриха Зибеля. Тенденція всѣхъ его работъ, вплоть до самой Садовой, т.-е. вплоть до момента, когда Австрія перестала быть опасной для единства, одна и та же: онъ доказывалъ, что старая нѣмецкая имперія имѣла антинаціональный характеръ, и намекалъ, что такой же характеръ сохранила и австрійская имперія. Послѣ Садовой Зибель, наоборотъ, проповѣдывалъ союзъ съ Австріей, доказывалъ, что пути внѣшней политики Германіи и Австріи идутъ парал-

лельно. Но Зибель—ученый безъ темперамента. Моммзенъ и Трейчке не таковы. Одинъ громитъ у себя въ «Римской исторіи» галловъ, и получается филиппика противъ французовъ. Другой всюду, гдѣ можно, разноситъ французовъ и самыми темными красками рисуетъ англичанъ. Англичане, по его словамъ,—нація меркантильная, безнравственная, лицемѣрная. Они завладѣли пятой частью свѣта при помощи грабежа: сначала хитростью, потомъ насиліемъ. Гегемонія Англіи отнюдь не отвѣчаетъ ея политическому могуществу. Оно такъ же обманчиво, какъ и ея добродѣтель. Страна, представляющая собою сплошную мистификацію, не можетъ держаться вѣчно. Гибель ея несомнѣнна. Для нея нѣтъ мѣста въ мірѣ, управляемомъ доблестью. Еще раньше Англіи ненависть нѣмцевъ обрушилась на славянъ. Это было еще въ 50-хъ годахъ. Россія поддержала Австрію въ ея борьбѣ за преобладаніе въ Германіи противъ Пруссіи и заставила государство Гогенцоллерновъ испить до дна чашу политическаго униженія въ Варшавѣ, а потомъ въ Ольмюцѣ. И уже въ 50-хъ годахъ начинается походъ противъ Россіи. Дитцель говоритъ: «Русскіе хотя и бѣлые, но у нихъ свойство негровъ». Менцель добавляетъ: «Въ германскомъ принципѣ заключается что-то такое, чему не можетъ долго противиться принципъ славянскій». И это отношеніе проходитъ красной нитью черезъ всю нѣмецкую политическую идеологію временъ объединенія и позднѣе. Ярче всѣхъ по обыкновенію выразилъ его Трейчке. «Всѣ попытки славянъ освободиться отъ нѣмецкаго господства безполезны, безсмысленны, тщетны и заранѣе осуждены исторіей. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись необходимаго для нихъ руководства назначенныхъ имъ Про-

видѣніемъ покорителей, учителей и тюремщиковъ». Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ подробно обрисовать отношеніе къ враждебнымъ націямъ хотя бы самыхъ крупныхъ идеологовъ германизма. Достаточно сказать, что они не были одиноки. По ихъ стопамъ пошли многіе. Нѣмецкая національная исключительность, зоологическій нѣмецкій націонализмъ родились именно въ первые годы послѣ основанія имперіи.

Воинствующій нѣмецкій націонализмъ, та доктрина, что Германія окружена врагами, замышляющими нанести ей смертельный ударъ, и что противъ этихъ враговъ нужно защищаться всѣми средствами, каковы бы они ни были, былъ бы немыслимъ, если бы исторія Германіи не знала длинной полосы, когда ей единство нужно было, какъ жизнь, и, тѣмъ не менѣе, въ руки не давалось. Потомъ, когда уже была основана имперія, нѣмцы продолжали по старой памяти чувствовать себя насторожѣ, «en vedette», по выраженію Бисмарка, и культивировали попрежнему философію силы и побѣды. А наука продолжала работать все въ томъ же направленіи. Если историки въ значительной мѣрѣ закончили свою работу, то юристамъ дѣла было много. Не даромъ Трейчке занялся «Политикой», бросивъ работу надъ «Исторіей Германіи». А настоящіе юристы, въ томъ числѣ и такіе, какъ Іерингъ, искали теоретическихъ формулъ для доказательства той мысли, что сила есть движущее начало права, или, какъ Лабандъ и Еллинекъ, громоздили тяжеловѣсные аргументы для доказательства необходимости всемогущества государства. Они ничего не сочиняли. Они только догматизировали политическую практику военнаго государства, такого государства, которое существуетъ отнюдь не для

общества и не для личности, а стремится поглотить и личность и общество, какъ Левіаѳанъ.

Словомъ, та доктрина, которая теперь получаетъ такія угрожающія иллюстраціи въ сознательномъ разрушеніи городовъ и дорогихъ по историческимъ традиціямъ памятниковъ искусства, въ грабежѣ мирнаго населенія, въ поджогахъ домовъ, въ насилованіи женщинъ, въ актахъ, которые военные обозрѣватели называютъ «стратегическимъ озорствомъ», т.-е. въ бомбардировкѣ незащищенныхъ и не имѣющихъ военнаго значенія пунктовъ,—не новая доктрина. Какъ рекомендовалъ Больманъ, нѣмцы теперь забываютъ о томъ, что существуютъ какіе-то моральные завѣты и что отступленіе отъ нихъ всегда есть позоръ. Какъ училъ Ницше, они культивируютъ «безличную» ненависть и предаются «хладнокровной» жаждѣ истребленія. Противъ врага хороши всѣ средства. На врага нужно наводить панику. Побѣдитъ тотъ, у кого крѣпче нервы.

Такими принципами руководились нѣмцы, когда ставили вопросъ о завоеваніи единства. Теперь, когда рѣчь идетъ не только о сохраненіи единства, но и о чемъ-то еще болѣе дорогомъ,—о національномъ существованіи,—считается дозволеннымъ и то, что тогда, быть можетъ, нашли бы недопустимымъ. Моммзенъ и Зибель, Трейчке и Больманъ оправдывали пріемы тогдашней борьбы. Что удивительнаго, если Лампрехтъ и Лабандъ, Рентгенъ и Геккель, Оствальдъ и Вундтъ, Шмоллеръ и Брентано оправдываютъ пріемы теперешней?

IV.

Практическая политика.

1. Бисмаркъ.

Въ войнѣ, свидѣтелемъ которой довелось быть нашему поколѣнію, едва ли не больше всего возстанавливаетъ противъ нѣмцевъ тотъ цинизмъ, съ которымъ они отбрасываютъ отъ себя всѣ правовыя нормы, въ частности—нормы международнаго права. Правда, международное право является правомъ меньше всего, ибо въ международно-правовыхъ отношеніяхъ отсутствуетъ одинъ изъ необходимѣйшихъ признаковъ правовой организаціи: принудительная инстанція. Правда, всегда и вездѣ, когда это было выгодно той или иной державѣ, бумажный аппаратъ международной политики пренебрегался безъ всякаго стѣсненія. Но даже когда это дѣлалось, люди все-таки пытались обставлять такія правонарушенія какой-то аргументаціей. Часто, почти всегда, выходило чрезвычайно лицемѣрно, но какія-то apparences при этомъ соблюдались, и не ставился крестъ на всю организацію международно-правовыхъ отношеній.

Нѣмцы поступаютъ иначе. Они не хотятъ ограничиваться фактическимъ нарушеніемъ договоровъ. Они непремѣнно желаютъ обставить это нарушеніе принципіальными обоснованіями, подчеркнуть его теоретическую важность громкими заявленіями. Развѣ въ заявленіи, напр., о томъ, что договоръ, обезпечивающій нейтралитетъ Бельгіи,—не больше, какъ клочокъ бумаги, не слышатся раскаты циничнаго солдатскаго хохота; не звучитъ самодовольная увѣренность въ томъ, что сильному позволено все?

Бисмаркъ былъ творцомъ этой философіи силы.

Вильгельмъ II и его Бетманъ-Гольвегъ, «plus double que son nom» (Ростанъ)—жалкіе подражатели, ученики «великаго» учителя.

Прусская политическая психологія удивительно элементарна. Когда Пруссія терпѣла пораженія, она смиренно подчинялась судьбѣ. Для того, чтобы вывести ее изъ пассивнаго положенія, заставить встряхнуться, нужны были всегда средства чрезвычайныя: либо революція, либо внѣшнее вмѣшательство. Послѣ Тильзита, даже послѣ Таврожскаго договора 1812 г., положившаго начало русско-прусскому союзу, нужна была угроза революціей, нужна была властная, хотя и непредусмотрительная инициатива императора Александра, чтобы заставить прусское правительство пойти противъ Наполеона. Послѣ Ольмюца нужны были внутреннія государственныя потрясенія, чтобы вырвать Пруссію изъ оцѣпенѣнія, ее охватившаго. Но когда Пруссія торжествуетъ, она, словно не вѣря, что судьба посылаетъ ей такое счастье, становится дерзка, высокомѣрна и гордо шлетъ вызовы міру и человѣчеству. Пруссаку и даже нѣмцу вообще презрительное отношеніе ко всему, что не носитъ нѣмецкаго штемпеля, кажется необыкновенно красивымъ. Имъ видится въ этомъ презрѣніи нѣчто сатанинское. Но именно сатанинскаго въ немъ нѣтъ ничего. Не буйные призывы Люцифера слышатся здѣсь, а хриплый смѣхъ пьянаго фельдфебеля.

Бисмаркъ былъ гораздо крупнѣе теперешнихъ носителей нѣмецкихъ политическихъ идеаловъ. Онъ былъ вообще крупный человѣкъ. Однако психологіи зазнавшагося фельдфебеля не былъ чуждъ и онъ. Наоборотъ, такая психологія была ему присуща въ высокой степени. Но онъ, въ противоположность своимъ эпигонамъ, понималъ очень хорошо, что ее не-

чего выставлять напоказъ, что ее лучше все-таки скрывать. И въ публичныхъ выступленiяхъ онъ старался прятать подальше свои фельдфебельскiя повадки. Высказывался онъ до конца тогда, когда это не грозило немедленными осложненiями и немедленнымъ скандаломъ, въ письмахъ и еще больше въ «Воспоминанiяхъ». «Воспоминанiя» Бисмарка, очевидно, и послужили учебной книгой практической политики для такихъ «преемниковъ», какими являются теперешнiй Вильгельмъ, Бюловъ и Бетманъ-Гольвегъ.

Прежде всего тамъ мы находимъ цѣлую теорiю политики международныхъ договоровъ. Какъ извѣстно, заключивъ въ 1878 году союзъ съ Австрiей, направленный естественнымъ образомъ противъ Россiи, онъ въ 1887 г. заключилъ еще договоръ съ Россiей, тотъ, который былъ названъ «договоромъ о перестраховкѣ». Но этотъ послѣднiй договоръ держался въ величайшемъ секретѣ. Его существованiе выдалъ самъ Бисмаркъ въ 1896 г., послѣ отставки, чтобы дискредитировать правительство Германiи, уже не имъ руководимое. Совершенно ясно, что если государство заключаетъ одновременно договоръ съ двумя другими государствами, непримиримо противоположными по тенденцiямъ своихъ интересовъ, тамъ уже не можетъ итти рѣчь объ искренней и добросовѣстной политикѣ. Ибо или ни одинъ изъ этихъ договоровъ не обязываетъ ни къ чему, либо государство, играющее двойную игру, заранѣе запасается юридическими титулами для покрытiя явнаго вѣроломства. Такъ и было понято всѣми это разоблаченiе. И Бисмаркъ не отрекся. Наоборотъ, въ «Gedanken und Erinnerungen» онъ обосновалъ эту систему политическаго мошенничества.

«Международная политика, — говоритъ онъ тамъ

(Volksausgabe, т. II, стр. 287), — элементъ текучій. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ этотъ элементъ на время становится твердымъ, но при измѣненіи атмосферы снова возвращается въ свое первоначальное состояніе». Этотъ химико-метеорологическій эзоповскій языкъ даетъ только предвкушеніе, не очень внятное, но уже весьма подозрительное. Дальше Бисмаркъ изъ осторожности продолжаетъ наполовину полатыни: «Clausula rebus sic stantibus при государственныхъ договорахъ, обусловливающихъ извѣстную дѣятельность, молчаливо принимается сама собою». Clausula rebus sic stantibus значитъ; оговорка, что всякій договоръ дѣйствителенъ до тѣхъ поръ, пока политическая обстановка абсолютно та же, что въ моментъ его заключенія. Совершенно ясно, что если такая оговорка всегда сопутствуетъ — «молчаливо» — всякому договору, то ни одинъ договоръ не имѣетъ цѣны. Ибо если эта оговорка допускается, то несомнѣнно, что судить о томъ, измѣнилась или нѣтъ политическая обстановка, предоставляется любой изъ договаривающихся сторонъ, и что ни для одной изъ нихъ не обязательно сообщать другой о томъ, что она въ какой-нибудь моментъ признала обстановку измѣнившейся. И можно очень легко представить себѣ случай, что въ то время, какъ одна сторона, предпринимая дѣйствія, разсчитываетъ на договоръ, другая въ это время уже считаетъ договоръ недѣйствительнымъ.

Бисмаркъ считалъ такой порядокъ нормальнымъ, и Вильгельмъ идетъ слѣдомъ за нимъ. Разница въ томъ, что Бисмаркъ никогда не позволилъ бы себѣ развязнаго заявленія о «клочкѣ бумаги» во время войны, когда ничего еще не рѣшено, когда шансы могутъ повернуться еще противъ Германіи и слова

о «клочкѣ бумаги» могутъ лечь сокрушительной тяжестью на вѣсы конечнаго рѣшенія. И Бисмаркъ, кромѣ того, помнилъ, какъ однажды одинъ прусскій монархъ жестоко подавился словами о «клочкѣ бумаги». То былъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Въ 1847 году онъ «торжественно» заявилъ, что не допуститъ, чтобы «между Владыкой Небеснымъ и этой страной сталъ «исписанный клочокъ бумаги» и правилъ надъ нами своими параграфами», а всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя уже хмуро подписывалъ «клочокъ бумаги», который зовется конституціей. Бисмаркъ во время войны держался съ величайшей осторожностью, все взвѣшивалъ. Онъ понималъ, что если противъ Германіи создастся большая коалиція, Германія не выдержитъ. Нынѣшніе стратеги и политики Германіи, вѣроятно, ни на минуту не задумались бы, если бы имъ пришлось бомбардировать Парижъ изъ 42-сантиметровыхъ орудій: à la guerre comme à la guerre. А сколько колебался въ 1870 году, сколько боролся съ Мольтке и Вильгельмомъ Бисмаркъ, прежде чѣмъ дать согласіе на бомбардировку Парижа, такую сравнительно невинную! Примѣръ Бисмарка, казалось, говорилъ его эпигонамъ: «Можно пренебречь соображеніями честности и чести, но нельзя пренебрегать мотивами осторожности». Германія поплатится теперь за то, что люди, менѣе крупные, чѣмъ Бисмаркъ, стоящіе во главѣ государства, обнаруживаютъ столько самоувѣренности и такъ мало сообразительности.

Когда это было безопасно, Бисмаркъ тоже умѣлъ быть циникомъ. Достаточно вспомнить его отвѣтъ въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза на вопросъ, почему не выполнены обѣщанія, данныя Богеміи во время войны съ Австріей и сулившія ей самостоятельное положеніе въ будущемъ союзѣ. Бисмаркъ твердо

сказалъ: «Обѣщанія, данныя во время войны на непріятельской территоріи военными властями, для правительства не обязательны». Онъ отвѣтилъ такъ потому, что въ этотъ моментъ онъ задѣвалъ только горсть безсильныхъ чешскихъ націоналистовъ и никого больше. Это было совершенно безопасно, и онъ зналъ, что это безопасно. Само по себѣ, однако, заявленіе о необязательности обѣщаній, сдѣланныхъ во время войны и на непріятельской территоріи, настолько серьезно, что должно заставить очень задуматься всѣ тѣ народы и государства, которымъ преемники Бисмарка такъ щедро сыплютъ обѣщанія и посулы. А вдругъ все, что обѣщано Болгаріи, Турціи, Румыніи, полякамъ,—все это окажется необязательнымъ для выполненія! И опять огромное различіе съ Бисмаркомъ. Во время войны Бисмаркъ никогда не создавалъ поводовъ для недовѣрчиваго отношенія къ его обѣщаніямъ.

Бисмаркъ всю жизнь, начиная съ того момента, когда, будучи посломъ Пруссіи при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ, сталъ зрѣлымъ политикомъ, работалъ для одной цѣли: для того, чтобы создать блескъ, славу и могущество династіи Гогенцоллерновъ. Онъ былъ слугою династіи прежде всего. И даже на могилѣ своей велѣлъ написать: «Здѣсь покоится Бисмаркъ, вѣрный слуга императора Вильгельма». Все то, что онъ сдѣлалъ, вытекало изъ этого психологическаго побужденія.

Династія Гогенцоллерновъ можетъ процвѣтать только тогда, когда Пруссія будетъ играть руководящую роль въ могущественной Германіи. Слѣдовательно, нужно создать могущественную Германію и въ ней обезпечить руководящую роль для Пруссіи. Таковъ былъ силлогизмъ Бисмарка. Чтобы осуще-

ствить свою задачу, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ.

Побѣдивъ Австрію, онъ не позволилъ ни отнять у нея территоріи, ни унизить тріумфальнымъ вступленіемъ въ Вѣну: онъ готовилъ себѣ союзника въ будущемъ.

Вернувшись побѣдителемъ въ Пруссію, онъ заставилъ короля испросить у палаты индемнитетъ за безбюджетное управленіе: онъ протягивалъ прусскому обществу вѣтвь примиренія.

Несмотря на возможность избѣжать этого, даровалъ сѣверо-германскому союзу всеобщее избирательное право: онъ привлекалъ на сторону Пруссіи общественное мнѣніе объединенной и необъединенной Германіи.

Чтобы заставить присоединиться югъ, онъ поддѣлалъ эмскую депешу и провоцировалъ войну съ Франціей: безъ серьезной внѣшней опасности югъ могъ не присоединиться.

Чтобы династія не потерпѣла крушенія въ первый періодъ имперіи, онъ вступилъ въ союзъ съ либеральными элементами: нужна была сильная общественная опора. Потомъ, когда опасность миновала, онъ вернулся къ старымъ привязанностямъ.

Чтобы уменьшить опасность отъ роста пролетарскихъ элементовъ, создалъ демократическое рабочее законодательство.

Чтобы не сталкиваться на поприщѣ международной политики съ Англіей, не хотѣлъ заводить колоній и военнаго флота.

Словомъ, умѣлъ оберегать интересы Гогенцоллерновъ. При немъ Германія была сильна, но не изнемогала отъ сознанія своей силы. Онъ не открывалъ ей безбрежныхъ горизонтовъ, прекрасныхъ, но опас-

ныхъ, достиженіе которыхъ онъ считалъ не по плечу нѣмцамъ.

При немъ такая комбинація державъ противъ Германіи и Австро-Венгріи, какую мы имѣемъ въ переживаемую войну, не была бы возможна. Въ 1875 году онъ намѣревался добить Францію, ее saigner à blanc. Одно слово Александра II остановило всю затѣю. Стоитъ прочитать главу о будущемъ Россіи во второмъ томѣ его воспоминаній, чтобы убѣдиться, какъ правильно понималъ Бисмаркъ многія вещи, которыхъ совсѣмъ не понимаетъ теперь Вильгельмъ.

Бисмаркъ былъ политикъ думающій, а не чувствующій только. Его цинизмъ, его нечистоплотные пріемы (эмская депеша) при такомъ основномъ его устремленіи чаще приносили пользу, чѣмъ вредъ, ибо онъ умѣлъ не показывать ни своихъ нечистоплотныхъ пріемовъ, ни своего цинизма. Все это обнаруживалось потомъ. А у Вильгельма II все, что можетъ повредить Германіи передъ лицомъ человѣчества, передъ другомъ и недругомъ, обнаруживается въ первую голову. Оттого ученикъ такъ неизмѣримо болѣе несчастенъ, чѣмъ учитель.

Мы поищемъ болѣе глубокихъ причинъ этого факта въ психикѣ ученика.

V.

Практическая политика.

2. Вильгельмъ II.

Будь проклятъ тотъ, кого, какъ валъ,
Гордыни буйство одолѣетъ,
Кто, нѣмцемъ будучи, затѣетъ,
Что корсиканецъ затѣвалъ!
И вспомнитъ онъ, позднѣй иль ранѣ,
Мои слова,—повѣритъ имъ:
Онъ обратитъ весь трудъ страданій
Во зло собѣ и всѣмъ своимъ.

(Гёте, перев. *В. М. Фишера.)*

Набрасывая политическій портретъ Вильгельма II, одинъ писатель, большой знатокъ человѣческой души, предпосылаетъ ему слѣдующія общія замѣчанія:

«Государь долженъ искать образцовъ въ животномъ мірѣ и подражать одновременно льву и лисицѣ, ибо левъ не можетъ защищаться противъ сѣтей, а лисица не можетъ защищаться противъ волковъ. Нужно, слѣдовательно, быть лисицей, чтобы распознавать раскинутыя сѣти, и львомъ, чтобы наводить ужасъ на волковъ. Всѣ, кто утверждаетъ, что достаточно быть львомъ, не понимаютъ ничего. Мудрый государь не можетъ и не долженъ держать свое слово, если это грозитъ повредить ему и если исчезли причины, которыя заставляли его дать обѣщаніе. Если бы люди всѣ были добры, это правило было бы ошибочно, а такъ какъ люди злы и не станутъ блюсти данное слово по отношенію къ другимъ, то и другимъ нѣтъ необходимости блюсти его. И никогда у государя не будетъ недостатка въ предлогахъ для того, чтобы скрасить несоблюденіе слова.

«Не трудно привести этому множество примѣровъ и показать, сколько мирныхъ договоровъ, сколько обѣщаній были нарушены и оказались недѣйствительными вслѣдствіе вѣроломства государей. И тотъ, кто умѣлъ лучше быть лисицей, пользовался большимъ успѣхомъ. Но необходимо какъ слѣдуетъ скрывать это свойство подъ личиною, быть великимъ лицедѣемъ и притворщикомъ: люди такъ простодушны и такъ подвластны злобѣ дня, что тотъ, кто обманываетъ, всегда найдетъ такихъ, которые даютъ себя обмануть.

«Государю нѣтъ необходимости имѣть добродѣтели. Но очень необходимо дѣлать видъ, что онъ ими обладаетъ. Я беру на себя смѣлость утверждать, что если государь ими обладаетъ и дѣйствуетъ, руководствуясь ими, онѣ бываютъ вредны. А если только кажется, что онъ ими обладаетъ,—онѣ полезны. Нужно казаться милосерднымъ, вѣрнымъ, человѣчнымъ, религіознымъ, честнымъ и быть такимъ. Но всегда быть готовымъ и къ тому, чтобы въ случаѣ необходимости стать прямо противоположнымъ. Важно усвоить себѣ слѣдующее: государь не можетъ блюсти всѣ тѣ свойства, изъ-за которыхъ людей считаютъ добрыми, когда часто онъ вынужденъ для сохраненія государства дѣйствовать противъ вѣрности, противъ милосердія, противъ человѣчности, противъ религіи. И нужно, чтобы у него была душа, готовая повертываться сообразно тому, что ему приказываютъ вѣтры и измѣненія фортуны, какъ сказано выше, не выходить изъ добра, если есть возможность, но вступать во зло, разъ является необходимость. Но государь долженъ очень слѣдить за тѣмъ, чтобы изъ устъ его никогда не выходило слово, не преисполненное перечисленными выше пятью добродѣтелями.

Онъ долженъ казаться, когда на него смотрятъ или слушаютъ его, олицетвореніемъ милосердія, вѣрности, честности, человѣчности, религіозности. И нѣтъ вещи болѣе необходимой, чѣмъ казаться религіознымъ, ибо люди обыкновенно судятъ по виду, а не по болѣе близкому знакомству»...

Достаточно этой длинной выписки. Я прошу прощенія у читателя за маленькую мистификацію, которую свѣдущіе люди, конечно, уже обнаружили. Приведенныя строки принадлежатъ писателю, который понятія не имѣлъ о Вильгельмѣ II. Онѣ написаны за четыреста лѣтъ до нынѣшняго императора Германіи. Ихъ авторъ — Николо Макіавелли («Il Principe», глава XVIII). Я только опустилъ двѣ—три фразы, чтобы придать имъ видъ совсѣмъ современный. Но не правда ли, что эта великолѣпная характеристика «государя» написана словно въ предвидѣніи Вильгельма II. Еще одно доказательство изумительной силы обобщеній геніальнаго флорентинца.

Въ первые годы царствованія Вильгельма одинъ остроумный писатель, историкъ Квидде, выпустилъ книжку подъ заглавіемъ: «Калигула. Этюдъ о маніи величія римскихъ цезарей». Подъ видомъ одного изъ самыхъ неуравновѣшенныхъ римскихъ императоровъ авторъ далъ портретъ своего собственнаго государя по примѣру Д. Ф. Штрауса, который подъ видомъ Юліана Отступника изобразилъ, много лѣтъ назадъ, короля Фридриха-Вильгельма IV («Романтикъ на тронѣ цезарей»). Нѣкоторыя страницы этой книжки по поразительной силѣ характеристики, по необычайному умѣнію угадать многія еще не вполнѣ опредѣлившіяся черты императора могутъ быть признаны мастерскими. «Основной пружиной его дѣйствій,—

говорится, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ,—было тщеславіе, желаніе быть предметомъ удивленія въ качествѣ покровителя народныхъ интересовъ и пріобрѣсти славу великаго человѣка передъ потомствомъ. Съ нервной торопливостью, порывистыми скачками переходилъ онъ постоянно отъ одной задачи къ другой, часто впадалъ въ противорѣчія и обнаруживалъ при этомъ стремленіе дѣлать все самому. Онъ не терпѣлъ около себя никакой самостоятельной индивидуальности. Онъ хотѣлъ быть своимъ собственнымъ министромъ и лично выступать во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Манія величія цезарей выражалась въ цѣломъ рядѣ его предпріятій и поступковъ, въ начатыхъ имъ исполинскихъ сооруженіяхъ и постройкахъ, въ грандіозныхъ, театрально обставленныхъ военныхъ маневрахъ, въ фиктивныхъ побѣдоносныхъ походахъ и тріумфахъ и, наконецъ, въ его мечтѣ о господствѣ на моряхъ и океанахъ. Онъ часто предпринималъ морскія путешествія и экскурсіи на своихъ роскошныхъ яхтахъ, не стѣсняясь погодой... Особенно старался онъ блистать въ области краснорѣчія... Цезари этого рода вѣрятъ въ свое собственное право, приписываютъ себѣ особую миссію, чувствуютъ себя въ особыхъ отношеніяхъ съ божествомъ, считаютъ себя его избранниками и, наконецъ, сами заявляютъ притязанія на божескія почести».

Нѣмцы въ началѣ царствованія Вильгельма, когда онъ началъ «проявлять» себя, бросаясь отъ одного къ другому, находили портретъ профессора Квидде очень похожимъ. Старый Вильгельмъ и императоръ Фридрихъ не пріучили ихъ къ такому высочайшему поведенію. Степенные бюргеры дивились и неодобрительно качали головами, а молодой императоръ продолжалъ дивить міръ своими талантами, словно онъ

находился на эстрадѣ, продолжалъ выдвигать себя и свое божественное право противъ всѣхъ старыхъ традицій, продолжалъ жадно искать славы, какъ будто онъ былъ странствующимъ рыцаремъ.

Эти его особенности такъ и остались до конца главными свойствами его души. Ему нельзя отказать ни въ знаніи страны, ни въ умѣніи приспособляться къ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, явленіямъ ея соціальнаго и политическаго развитія. Но его «я», присущая не только сану, но именно ему лично, Вильгельму II, императору и королю, особая миссія всегда были у него на первомъ планѣ и теперь привели его къ кризису, изъ котораго не только династія, но и имперія едва ли выйдутъ безъ сильнаго ущерба.

По поводу нѣмецкой культуры и по поводу Вильгельма у насъ наговорено очень много всякихъ глупостей. Разные россійскіе богоискатели готовы и варварства нѣмецкихъ лейтенантовъ, и вѣроломства нѣмецкихъ дипломатовъ ставитъ въ вину... Иммануилу Канту и чуть ли не самого Шиллера дѣлать отвѣтственнымъ за Лувенъ и Калишъ. Суди ихъ Богъ!

Вильгельмъ II, конечно,—продуктъ нѣмецкой культуры, но его психика создалась совсѣмъ подъ другими вліяніями, чѣмъ Кантъ и Шиллеръ. Романтизма въ душѣ его очень много. Но это—романтизмъ не Шиллера, а Людвига Галлера или Шталя, идеологовъ реакціи, цѣнившихъ въ средневѣковьѣ самыя темныя его стороны. Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ очень похожъ на старшаго брата своего дѣда, короля Фридриха-Вильгельма IV. Тотъ тоже корчилъ романтика, богомоленъ былъ до послѣдней степени, терпѣть не могъ всякихъ новшествъ, въ родѣ конституціи, обожалъ средніе вѣка, потому что тогда ничего подобнаго этимъ новшествамъ не было, и кончилъ

тѣмъ, что сошелъ съ ума. Такимъ же романтизмомъ пропитанъ и Вильгельмъ. Онъ любитъ кичиться своей религіозностью, «ибо, — говоритъ Макіавелли, — люди судятъ обыкновенно по виду, а не по болѣе близкому знакомству (giudicano più agli occhi che alle mani)». Ему нужно, чтобы въ глазахъ народа все то, что онъ дѣлаетъ, дѣлалось какъ бы съ соизволенія неба. Мало того: онъ приписываетъ Божеству прямую, тенденціозную заботу о немъ и о его династіи. «Мы не можемъ предположить,—говорилъ онъ однажды,— что нашъ старый союзникъ при Росбахѣ и Денневицѣ проявилъ столько безконечныхъ заботъ о нашей старой Бранденбургской области и о моемъ домѣ, не имѣя въ виду ничего впереди». Другой разъ онъ сказалъ: «Сколько бы ни было враговъ, будь мы окружены ими со всѣхъ сторонъ, мы побѣдимъ всегда, ибо существуетъ могущественный союзникъ, старый добрый Богъ на небѣ, который уже во времена великаго курфюрста и великаго короля былъ всегда на нашей сторонѣ». Ясно, съ какой цѣлью «союзникъ на небѣ» наряжается въ прусскую каску и ставится въ служебное положеніе къ императору—нѣкоторыя упущенія, въ родѣ Іены и Фридланда, при этомъ ему охотно прощаются. Нужно, чтобы власть императора сдѣлалась для вѣрныхъ подданныхъ чѣмъ-то въ родѣ религіознаго догмата: иначе вѣдь трудно обосновать принципъ «Божьей милостью», изъ-за котораго всѣ Гогенцоллерны готовы были на послѣднія крайности.

Кромѣ религіозности, которой онъ хочетъ купить популярность у простыхъ людей, онъ любитъ выставлять напоказъ самую полную коллекцію бюргерскихъ добродѣтелей: семейность, патріархальность, экономность, ненависть къ распущенной жизни и чрез-

вычайно большую трудоспособность. Популярность императора Германіи въ широкихъ кругахъ нѣмецкаго общества, быть можетъ, больше всего объясняется именно тѣмъ, что обыватель смотритъ на своего императора, какъ на образецъ во всемъ, что касается частной жизни. Не даромъ добрый нѣмецъ такъ любитъ повторять своей женѣ знаменитый, нестерпимо-мѣщанскій афоризмъ Вильгельма о четырехъ К: что удѣлъ женщины—Kirche, Kinder, Kleider, Küche (церковь, дѣти, платья, кухня).

Но Вильгельмъ не желаетъ ограничиваться славою самаго добродѣтельнаго семьянина и самаго рачительнаго домохозяина германской имперіи. Человѣкъ, разносторонне, хотя и поверхностно, одаренный, онъ рѣшилъ при содѣйствіи придворныхъ льстецовъ, что онъ, во-первыхъ, чрезвычайно талантливый музыкантъ. Онъ очень любитъ, когда люди, понимающіе не столько въ музыкѣ, сколько въ искусствѣ дѣлать карьеру, ставятъ его диллетантскій «Гимнъ Эгиру» на ряду съ вещами Моцарта и Бетховена. Другой талантъ, который чувствуетъ въ себѣ Вильгельмъ,—талантъ художника. Онъ скромно думаетъ, что онъ не далъ всего, что способенъ былъ дать, ибо аллегорія на желтую опасность подъ кричащимъ заглавіемъ «Народы Европы, берегите свои сокровища», даже у людей, умѣющихъ дѣлать карьеру, не вызываетъ сравненія ни съ Рафаэлемъ, ни даже съ Адольфомъ Менцелемъ. Но въ чемъ Вильгельмъ не позволитъ усомниться никому,—это въ своемъ талантѣ оцѣнивать произведенія искусства и литературы. Тиргартенская «Аллея побѣды», этотъ апоѳеозъ безвкусія, — вѣдь дѣтище Вильгельма II. Римскіе граждане, у которыхъ глазъ воспитался на произведеніяхъ вѣчной красоты, презрительно называютъ новый памятникъ

Виктору-Эммануилу въ Капитоліи «pisciatoio di lusso». «Аллея побѣды»—это рядъ pisciatoï. Вильгельмъ не налюбуется на нихъ. То же бываетъ, когда ему приходится оцѣнивать литературныя произведенія: онъ всегда умудрится увѣнчать не талантъ, а ловкую посредственность, не Гауптмана, а Вильденбруха.

Наконецъ, у Вильгельма имѣются притязанія еще на три таланта, уже менѣе невиннаго свойства: оратора, стратега и дипломата.

Онъ обожаетъ говорить рѣчи, и, нужно отдать ему справедливость, говоритъ онъ лучше, чѣмъ пишетъ картины или музыкальныя композиціи, и лучше, чѣмъ командуетъ войсками и ведетъ дипломатическія сношенія. Ораторскій даръ — единственное изъ его дарованій, которое не подлежитъ сомнѣнію, которое можно признать, не имѣя ни малѣйшихъ притязаній сдѣлать блестящую придворную карьеру въ Германіи. Если бы Вильгельмъ II былъ адвокатомъ, Германія имѣла бы однимъ хорошимъ адвокатомъ больше и вдобавокъ не находилась бы въ настоящій моментъ на краю бездны. Его рѣчи даже въ чтеніи производятъ впечатлѣніе.

Каковъ Вильгельмъ, какъ полководецъ, человѣчество видитъ больше года. Какъ ни трудно выдѣлить долю императора въ причинахъ неудачи общаго плана кампаніи нѣмцевъ, ясно, повидимому, одно: чѣмъ больше отстраняются отъ верховной команды старые дѣятели германскаго штаба, чѣмъ больше рѣшающую роль въ подготовкѣ операцій принимаетъ самъ Вильгельмъ, тѣмъ больше затягивается рѣшеніе и на западѣ, и на востокѣ. Когда-нибудь нелицепріятная историческая наука выяснитъ этотъ вопросъ досконально.

Что касается дипломатическихъ талантовъ Виль-

гельма, то вся исторія его царствованія свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ разрушилъ зданіе, съ такимъ трудомъ возведенное при его дѣдѣ. Онъ усвоилъ дипломатическую методологію Бисмарка, о которой мы говорили выше, но отбросилъ его осторожность, а главное—далъ дипломатической работѣ совсѣмъ другое содержаніе. Новыя задачи, поставленныя Вильгельмомъ нѣмецкой внѣшней политикѣ и формулированныя въ афоризмѣ: «Unsere Zukunft liegt auf dem Wasser», «Наше будущее—на водѣ»,—требовали отъ Германіи такого напряженія силъ, на какое она не была способна. Бисмаркъ это понималъ. Вильгельмъ этого не понялъ. Война является результатомъ этого непониманія.

Вильгельмъ съ самаго начала своего царствованія, когда у кормила еще стоялъ Бисмаркъ, рѣшилъ сдѣлаться собственнымъ канцлеромъ. Бисмаркъ не уступалъ своихъ правъ и принужденъ былъ уйти въ отставку. Каприви не хотѣлъ стать пѣшкою въ рукахъ императора и былъ свергнутъ. Начиная съ Гогенлоэ, Вильгельмъ добился своего: онъ распоряжается, а канцлеры только ищутъ комбинацій для наилучшаго выполненія предначертаній императора.

По нѣмецкимъ конституціямъ ни рейхстагъ, ни прусскій ландтагъ не располагаютъ средствами противодѣйствія исполнительной власти, а въ союзномъ совѣтѣ Пруссія почти всегда можетъ обезпечить себѣ большинство. Исполнительная власть, какъ уже указывалось, пользуется почти полной независимостью, и это при абсолютистскихъ наклонностяхъ Вильгельма даетъ ему полную возможность во многихъ вопросахъ распоряжаться безконтрольно. Вильгельмъ, правда, присягалъ конституціи какъ прусской, такъ и имперской, но абсолютизмъ у него не только въ убѣжде-

ніяхъ, но и въ темпераментѣ. И именно потому, что Вильгельмъ—абсолютистъ и по темпераменту, онъ не признаетъ никакихъ компромиссовъ. Изъ этого вытекаетъ уже и нѣчто новое.

Сколько разъ этотъ темпераментъ, когда-то просто горячій, съ недавнихъ поръ болѣзненно-импульсивный, увлекалъ его на такіе заявленія и поступки, за которые его министрамъ приходилось отчитываться передъ парламентомъ. Этотъ психологическій, если можно такъ выразиться, абсолютизмъ Вильгельма не приводилъ до сихъ поръ ни къ какимъ политическимъ потрясеніямъ внутри страны только благодаря на рѣдкость крѣпко сколоченному государственному порядку и благодаря тому еще, что нѣмцы рѣшили разъ навсегда про рѣчи и поступки Вильгельма, выходящіе изъ границъ: das ist ohne Bedeutung, это не имѣетъ значенія. А если онъ напутаетъ въ чемъ-нибудь серьезномъ, то на этотъ случай имѣется канцлеръ, который можетъ все исправить. Однажды былъ такой случай.

Въ интервью, напечатанномъ въ англійской газетѣ «Daily Telegraph» 28 окт. 1908 г., Вильгельмъ далъ волю своему языку. Онъ говорилъ, что его усилія снискать дружбу Англіи, поддержанныя только меньшинствомъ образованныхъ круговъ въ Германіи, остаются тщетны. А самъ онъ Англію любитъ и доказалъ это въ англо-бурскую войну: Россія и Франція предлагали ему совмѣстно принудить Англію къ миру, а онъ не только не согласился, но еще послалъ своей бабкѣ, королевѣ Викторіи, разработанный планъ военныхъ дѣйствій противъ буровъ. А теперь (т.-е. въ 1908 г.) дружба Германіи для Англіи тѣмъ дороже, что нѣмецкій флотъ можетъ быть очень цѣнной поддержкой англичанамъ на Дальнемъ

Востокѣ. Интервью было показано маленькому чиновнику вѣдомства иностранныхъ дѣлъ (канцлеръ Бюловъ и статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Шенъ были въ отсутствіи), который не посмѣлъ не одобрить императорскихъ заявленій, и пошло на телеграфъ. Оно подняло бурю. Обидѣлась Англія за заявленіе, что лишь незначительная часть нѣмцевъ настроена къ ней дружественно. Обидѣлись Россія и Франція: во-первыхъ, за выбалтываніе дипломатическихъ секретовъ, а, во-вторыхъ, за измышленія: «Temps» доказала, что Вильгельмъ жестоко уклонился отъ истины, передавая эпизоды 1899 года. Обидѣлась Японія, потому что нѣмцы могли помогать англичанамъ на Востокѣ только противъ нея. Обидѣлась Голландія за лицемѣріе по отношенію къ бурамъ. Обидѣлись буры. Канцлеръ Бюловъ пришелъ въ ужасъ отъ той бѣды, которую натворилъ невоздержанный высочайшій языкъ, и подалъ въ отставку. А когда она не была принята, отъ имени императора обѣщалъ въ рейхстагѣ, что этого болѣе не повторится.

Пока дѣло ограничивалось частными интервью и звонкими рѣчами, канцлерскихъ извиненій было достаточно. Когда импульсивность Вильгельма легла сокрушительной тяжестью на колеблющіеся вѣсы международнаго мира, извиненія уже не сдѣлаютъ ничего. Конечно, воля Вильгельма не была причиною войны, но она дѣйствовала въ одномъ направленіи съ причинами, толкавшими Европу на войну, и въ этомъ смыслѣ содѣйствовала войнѣ.

Вильгельмъ — человѣкъ необычайной, тоже, быть можетъ, болѣзненной самоувѣренности. Въ этомъ еще одно его отличіе отъ Бисмарка. Тотъ всегда игралъ въ самоувѣренность, но онъ отлично понималъ, какимъ вреднымъ было бы для политика это свойство,

если бы оно было искреннимъ. Вильгельмъ этого тоже не понимаетъ.

И потомъ, какъ вѣрно подмѣтилъ еще проф. Квидде, Вильгельмъ—актеръ. Ему постоянно нужно фигурировать, постоянно обращать на себя вниманіе, занимать человѣчество своей особой. Въ этомъ его честолюбіе. Вначалѣ онъ удовлетворялся невинными вещами: путешествіями по всему свѣту, парадированіемъ въ Іерусалимѣ и Константинополѣ въ восточныхъ одѣяніяхъ, «Аллеей побѣды», музыкальными «тріумфами» при дворѣ. Потомъ подоспѣли вещи болѣе серьезныя: усмиреніе боксеровъ, которое дало поводъ бросить переполошившій всѣхъ лозунгъ: «Пощады не давать»; занятіе Кіао-Чау, сопровождавшееся столь же славнымъ заявленіемъ о «бронированномъ кулакѣ», получившимъ, кажется, безсмертіе; телеграмма старому Крюгеру, президенту Трансваальской республики; инциденты въ Агадирѣ и въ Танжерѣ. И такъ далѣе, вплоть до ультиматума Россіи 19 іюля 1914 года.

Поскольку война явилась результатомъ личнаго вмѣшательства Вильгельма въ событія, она есть плодъ его честолюбія и его самоувѣренности. Столько лѣтъ онъ уже царствуетъ. Подходитъ старость. Съ стратегическимъ и политическимъ талантомъ, который онъ въ себѣ чуетъ, онъ считаетъ себя способнымъ покорить міръ. Все у него къ этому подготовлялось. Все готово. Страна за нимъ пойдетъ слѣпо, потому что народъ его обожаетъ. Моментъ благопріятенъ, потому что Франція находится въ разложеніи, Россія подточена революціей и еще не успѣла закончить вооруженій, а Англія, конечно, будетъ хранить нейтралитетъ. Таковы были внутреннія, психологическія предпосылки, толкавшія къ войнѣ Вильгельма. Те-

перь уже выясняется, что его предупреждали, что онъ можетъ обмануться и насчетъ Россіи, и насчетъ Англіи. Но самоувѣренность не давала ему убѣдить себя, а честолюбіе заставляло слѣпо рваться впередъ. Пусть его царствованіе пройдетъ въ исторіи въ ореолѣ сверхчеловѣческаго величія и безпримѣрной славѣ.

И онъ рѣшился, отбросивъ, точно по рецепту Макіавелли, всѣ свои бюргерскія добродѣтели. Ибо, говорилъ мудрый флорентинецъ, монархъ «часто вынужденъ для сохраненія государства дѣйствовать противъ вѣрности, противъ милосердія, противъ человѣчности, противъ религіи».

VI.

О нѣмецкой душѣ.

Въ послѣднее время много разъ приходится встрѣчаться съ указаніемъ на одну особенность національнаго характера современныхъ нѣмцевъ: что въ нѣмецкомъ народѣ махровымъ букетомъ собраны свойства, характерныя для всякаго выскочки, parvenu: самоувѣренность, грубость, наглость, развязность, безсердечность, высокомѣріе, пренебрежительное отношеніе ко всему чужому, чванство своими успѣхами, тупая вѣра, что будущее не дерзнетъ принести нѣмцу разочарованіе. Указаніе правильно: отдѣльныя качества народа-parvenu схвачены и переданы необыкновенно вѣрно, и мы бы не стали повторять того, что уже сказали другіе, если бы не стоило остановиться на одномъ моментѣ, на которомъ обыкновенно не останавливаются.

Откуда взялось все это? Вѣдь, кто хотя немного

занимался исторіей Германіи XVIII и первой половины XIX вѣка, отлично знаетъ, что такого пышнаго соединенія этихъ непріятныхъ особенностей не было въ нѣмецкомъ характерѣ. Наоборотъ, въ немъ были свойства прямо противоположныя: забитость, готовность подвергнуться всякимъ униженіямъ и стерпѣть всякое поношеніе, судорожное метаніе за всѣмъ чужимъ, презрѣніе къ своему. Нѣмцы въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка считали себя пасынками судьбы, несчастными, любили оплакивать свою горькую національную долю и обожали, когда другіе ихъ жалѣли за несправедливость къ нимъ исторіи.

Одинъ современникъ говорилъ о нѣмцахъ XVIII вѣка, что они принимали сыпавшіеся на нихъ удары, «какъ неразумная скотина, которая даетъ себя бить и даже не смотритъ, кто ее бьетъ». Не было никакого ощущенія коллективнаго сознанія и связаннаго съ нимъ чувства собственнаго достоинства даже въ высшихъ классахъ. Феодальная знать, толпившаяся въ дворцахъ безчисленныхъ мелкихъ государей, пресмыкавшаяся на всѣ лады, хватавшая на лету малѣйшую милость, презрительно ей брошенную, готовая на все, чтобы угодить грубымъ, часто преступнымъ похотямъ носителей нѣмецкихъ коронъ, считавшая за честь отдать жену и дочь въ фаворитки ко двору,—это рекомендовалось французскими придворными нравами, пустившими въ ходъ отвратительный афоризмъ: «Le sang royal ne tache pas» [1],—нѣмецкая знать подавала примѣръ бюргерству и опредѣляла моральныя цѣнности, которыми оно жило.

Это длилось долго. И именно потому, что два очищающихъ потрясенія XIX вѣка упали на общество

---

[1]) „Королевская кровь не налагаетъ пятна".

съ рабьей психологіей, изъ нихъ получились parvenus. Если бы подъемъ, сопровождавшій борьбу съ Наполеономъ, и революціонныя движенія 1848 и 1849 годовъ коснулись людей, душа которыхъ была подготовлена иначе, не Тридцатилѣтней войной и не удушливой атмосферой, распространявшейся изъ дворовъ въ эпоху абсолютизма,—нѣмецъ не могъ бы стать тѣмъ, чѣмъ сталъ теперь.

Вѣдь иначе не могло быть. «Неразумная скотина», лишенная человѣческихъ чувствъ, вдругъ узнала изъ «Рѣчей къ нѣмецкому народу» Фихте, что она—членъ великой націи, призванной преобразовать міръ. Потомъ она познакомилась съ отвлеченно-философскимъ, не-публицистическимъ доказательствомъ той же мысли въ «Философіи исторіи» Гегеля. «Неразумная скотина» стала задумываться и до нѣкоторыхъ вещей додумалась. Правда, тутъ много помогло то, что нѣмецкій бюргеръ, руководитель общественной эволюціи, въ это время погибалъ экономически отъ отсутствія «націи». Ему нужно было стать «націей», т.-е. ему нужно было объединеніе. И онъ безъ труда вѣрилъ, что если онъ приведетъ къ благополучному концу трудное дѣло объединенія, то не будетъ ничего удивительнаго, если сбудутся предсказанія Фихте и Гегеля насчетъ особой, провиденціальной миссіи нѣмецкой націи. Но онъ не умѣлъ бороться твердо и настойчиво. Онъ создалъ таможенный союзъ, но въ 1848 г. не довелъ до конца революцію. И изъ-за этого настолько палъ духомъ, что безропотно сталъ выносить всѣ глумленія контръ-революціоннаго періода.

Зато, когда объединительныя стремленія бюргерства, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, взялась осуществить прусская династія, когда она его вооружила, обучила, дисциплинировала и провела черезъ

три побѣдоносныя войны, бюргеръ преобразился совершенно.

Ему, наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную силу: онъ сталъ наглымъ. Его, привыкшаго постоянно терпѣть поношенія, сдѣлали побѣдителемъ: онъ проникся высокомѣріемъ. Его, еще недавно преклонявшагося передъ культурой Франціи, съ тріумфомъ провели черезъ побѣжденную страну: онъ преисполнился вѣрою въ нѣмецкій геній и въ звѣзду Германіи. Его, готовившагося наслаждаться миромъ, напугали идеей реванша и перспективой потери всѣхъ завоеванныхъ благъ: онъ сдѣлался жестокъ. Его уберегли отъ реванша: онъ пріобрѣлъ развязность.

Эти новыя качества въ нѣкоторой степени раньше были присущи развѣ только прусскому юнкеру. Теперь они стали свойственны и бюргеру, сдѣлались качествами національными. Именно неожиданно-легкое торжество надъ Австріей въ 1866 году и надъ Франціей четыре года спустя передѣлало нѣмецкую душу. Въ нее проникла самоувѣренность. Въ то время, какъ прежде нѣмецъ былъ полонъ колебаній, теперь, послѣ этихъ двухъ побѣдъ, онъ отдѣлался отъ какихъ бы то ни было сомнѣній. А послѣдовавшіе вслѣдъ за войной успѣхи на экономическомъ поприщѣ,—успѣхи, которыми нѣмецъ былъ обязанъ огромной работоспособности и настоящему генію порядка,—вскружили ему голову еще больше. Онъ возомнилъ себя царемъ міра.

Чтобы удержать это положеніе, чтобы укрѣпить и улучшить его еще больше, нѣмецъ сталъ вооружаться: съ Бисмаркомъ только на сушѣ, съ Вильгельмомъ и на морѣ. Вооруженія Германіи поставили Европу подъ кошмаръ милитаризма.

И еще одна черта нѣмецкаго народнаго духа коренится въ старыхъ условіяхъ жизни: казарменная дисциплинированность. Это вѣдь чисто-нѣмецкая черта. У француза, у англичанина общественная дисциплина обусловливается внутренними стимулами: каждый человѣкъ самъ себя дисциплинируетъ. У нѣмца дисциплина налагается извнѣ, механически, полицейскимъ путемъ. Нѣмецъ позволилъ подчинить себя полицейской дисциплинѣ потому, что его душа была приготовлена къ этому вѣковымъ соціальнымъ и политическимъ рабствомъ, потому, что въ ней не было элементовъ бунта, какъ у француза, у итальянца, у русскаго. Правда, то же свойство создало то, что выше названо геніемъ порядка: умѣніе согласовать общественно-необходимыя дѣйствія и подчинить ихъ одной цѣли. Нѣмецкая культура представляетъ въ сущности очень странную вещь. Въ ней творчество играетъ самую ничтожную роль, а механическая комбинація чужихъ идей и гигантское напряженіе простой рабочей энергіи—все. Народная душа, изсушенная дисциплиной, не освѣженная порывами бунта, теряетъ творческія силы. Въ XVIII вѣкѣ, въ первой половинѣ XIX вѣка, когда дисциплины, порожденной побѣдами, еще не было, когда царила политическая раздробленность и передъ бюргеромъ носились идеалы, его волнующіе, Германія дала Лессинга и Виланда, Гердера и Канта, Гёте и Шиллера, Фихте и Винкельмана. А какихъ геніевъ она дала послѣ 1870 года?

Дисциплина и порядокъ помогли нѣмцу послѣ побѣдъ осуществить миссію мирнаго завоеванія: развить технику, промышленность, торговлю, колонизаціонное дѣло. Дисциплина и порядокъ помогли ему пріобрѣсти репутацію честнаго человѣка и культур-

наго дѣльца. Съ нѣмцами, по общимъ отзывамъ, пріятно было находиться въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Но нѣмецъ былъ честенъ, культуренъ и пріятенъ, какъ оказалось теперь, исключительно потому, что этого требовала дисциплина. Началась война, дисциплина была отмѣнена, и нѣмецъ показалъ себя сверху донизу.

Императоръ Вильгельмъ, гордившійся тѣмъ, что у него душа художника, оказался варваромъ, передъ которымъ Атилла и Тамерланъ—просто милые, безвредные шалуны. Кронпринцъ, образецъ всѣхъ рыцарскихъ добродѣтелей, какимъ его неизмѣнно изображали дисциплинированные журналы, — грабитель и воръ. Принцъ Рупрехтъ Баварскій, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ итальянскаго искусства въ мірѣ, серьезный, не Вильгельму чета, цѣнитель прекраснаго, во главѣ арміи, бравшей Антверпенъ, поощрялъ грабежи и жестокости, а позднѣе приказывалъ разстрѣливать плѣнныхъ. И такъ далѣе, до самыхъ нижнихъ чиновъ, до обозныхъ и санитаровъ. Освобожденные отъ дисциплины, нѣмцы оказались элементарно нечестны, вопіюще некультурны, лишены малѣйшихъ признаковъ внутренней порядочности. Когда будетъ объявлено, что дисциплина возстановлена, нѣмецъ снова безъ всякаго труда и совершенно искренно сдѣлается честнымъ, культурнымъ и порядочнымъ. Звѣриный оскалъ снова смѣнится пріятной улыбкой. Но будетъ небольшая разница: ему никто не повѣритъ.

Только одна часть нѣмецкаго общества пыталась бороться съ революціей въ національной душѣ, произведенной побѣдами и дисциплиной: организованный соціалъ-демократіей нѣмецкій пролетаріатъ. Его за это наградили исключительными законами, его назы-

вали шайкой людей, лишенныхъ отечества (Vaterlandslose Gesellen). Ему приходилось упорно отстаивать право держаться своей точки зрѣнія. Но сила внѣшнихъ обстоятельствъ была слишкомъ велика. Нѣмецкій пролетаріатъ не могъ не подчиниться законамъ исторической логики. Если въ юнкерѣ и въ бюргерѣ проявленіе всѣхъ новыхъ непріятныхъ качествъ сдерживалось только условіями внѣшняго лоска,—приличій и дѣловой необходимости, т.-е. плодами дисциплины,—въ пролетаріатѣ оно встрѣчало сдержку несравненно болѣе серьезную: стройное міровоззрѣніе. Внѣшній лоскъ до поры, до времени смягчалъ лишь наиболѣе дикія, наиболѣе зоологическія черты новой психики. Міровоззрѣніе пролетаріата заставляло его самого, внутри себя, вести борьбу съ этой психикой. Въ пролетаріатѣ была, благодаря этому, какая-то культурность высшаго порядка, которой не было ни въ юнкерѣ, ни въ буржуа и которая сближала его съ французомъ, съ англичаниномъ.

Однако въ концѣ-концовъ не выдержало и стойкое міровоззрѣніе. Нѣмецкій рабочій далъ увлечь себя въ потокъ ярко-націоналистическихъ настроеній и потопилъ свою здоровую критику въ волнахъ шовинизма. Насколько рѣшителенъ и насколько длителенъ этотъ поворотъ,—вопросъ другой. Но фактъ остается фактомъ, и вызванъ онъ тѣмъ, что нѣмецкій пролетаріатъ вдругъ почувствовалъ, что въ войнѣ дѣло идетъ не только о завоеваніяхъ, не только о военныхъ лаврахъ, т.-е. о вещахъ, интересующихъ лишь юнкера и бюргера, а о чемъ-то гораздо болѣе важномъ: о цѣлости имперіи, оберегающей огромную народно-хозяйственную организацію, т.-е. о сносномъ существованіи нѣмецкаго рабочаго. Правильно или нѣтъ такое представленіе о возможныхъ результа-

тахъ войны, но оно крѣпко сидитъ, по крайней мѣрѣ, сидѣло, до послѣдняго времени въ головахъ нѣмецкихъ рабочихъ и лишало ихъ силы бороться съ новыми настроеніями.

Но нужно помнить одно важное различіе.

Самые тяжелые эпизоды войны: Лувенъ, Реймсъ, Калишъ, «Лузитанія», добиваніе раненыхъ, свирѣпства съ плѣнными, истребленіе мирныхъ людей на морѣ, грабежи, конечно, не лежатъ на совѣсти нѣмецкаго рабочаго. Ихъ виновники—Вильгельмъ со своей кликой, юнкера-офицеры и озвѣрѣвшій отъ разныхъ страховъ бюргеръ, т.-е. тѣ элементы нѣмецкаго общества, которые въ мирное время носили въ душѣ собраніе самыхъ типичныхъ чертъ parvenu, а съ открытіемъ военныхъ дѣйствій одичали и опустились до уровня дикарей.

Въ началѣ 80-хъ годовъ историкъ Баумгартенъ писалъ, полемизируя съ Трейчке: «Всякая нація, которая послѣ долгой политической слабости внезапно возвышается до могущества и уваженія, подвергается нѣкоторымъ искушеніямъ. Національное превознесеніе, склонность все собственное возвеличивать, все чужое унижать—величайшее изъ нихъ. Что мы въ значительной мѣрѣ испытали это искушеніе съ 1870 г.,—достаточно извѣстно. Мы должны, быть можетъ, считать за счастье, если на насъ свалятся вскорѣ тяжелыя бѣдствія, которыя принудятъ насъ серьезно одуматься».

«Бѣдствія» свалились на Германію и настолько «серьезныя», что страна стоитъ передъ опасностью не сладить съ ними. И, быть можетъ, когда нѣмцы захотятъ «одуматься», будетъ уже поздно.

Война не можетъ длиться безъ конца. Она когданибудь кончится. Но когда бы она ни кончилась,

чѣмъ бы она ни кончилась,—то, что нѣмцы потеряютъ по мирному договору, будетъ самой малой долей ихъ потерь.

Потому что міръ никогда не проститъ нѣмецкимъ династіямъ, нѣмецкому юнкеру и нѣмецкому бюргерству того преступленія, которое не забудется и имя которому—crimen laesae humanitatis.

А. Дживелеговъ.

ИС … Р. Т. З.

МС … *Звя-*
… *пѣева*
… стѣ и

И. … КИ И
… ЕРО-
… екстѣ
… плетѣ

Е. … Е ГО-
… *) ри-*

Е. … *ками.*

ЧЕ … ТАЛА
… изда-

Н. … анунѣ
… ми съ

ЕВ … никъ.
… 75 к.

РИ … 50 к.

ПАРИЖЪ. 286 стр., съ 49 иллюстр. . . 1 р. 50 к.

ИТАЛІЯ. 224 стр., съ 51 иллюстр.. . . 1 р. 50 к.

ШВЕЙЦАРІЯ. 224 стр., съ 48 иллюстр.. 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. МОСКВА.
ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

17. Германія.
18. Евреи въ Россіи.
19. Бисмаркъ.
20. Прибалтійскій край.
21. Россія и Германія.
22. Тройственный союзъ и тройственное согласіе.
23. Россія и Франція.
24. Прусскій фельдмаршалъ графъ Мольтке.
25. Русское земство и Всероссійскій Земскій Союзъ.
26. Кавказъ и Закавказье.
27. Политическая жизнь Германіи.
28. Магометъ и магометанство.
29. Вильгельмъ II.
30. Россія и Австрія.
31. Война и крестьянское хозяйство.
32. Воздухоплаваніе и война.
33. Италія.
34. Балканскія войны и ихъ результаты.
35. Бельгія.
36. Сербія.
37. Черногорія.
38. Болгарія.
39. Славяне. Ихъ прошлое и настоящее.
40. Соединенные Штаты.
41. Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны.
42. Чехія.
43. Египетъ.
44. Константинополь.
45. Франція.
46. Турція.
47. Нѣмецкая культура.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. МОСКВА,
ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

Цѣна 60 коп.